

Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

(Продолженіе¹).

V.

Важнымъ вопросомъ въ древне-Русской жизни былъ вопросъ объ отношеніи народной стихіи къ стихіямъ иноземнымъ. „Жизненная сила всего древняго Русскаго общества, не смотря на тревоженіе его и на внутренній трудъ общинъ, слившихся слиться въ одну великую Русскую общину, долго не подавляла разумаго развитія личности. Пути мысли были свободны, *все человѣческое было доступно человеку* (разумѣется, по мѣрѣ его занятій и умственныхъ силъ). Быть можетъ перевѣсъ перваго, т. е. общественнаго начала былъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, предшествовавшихъ скрѣпленію государства, и вслѣдствіе внѣшнихъ грозъ (Татарской и Литовской), требовавшихъ сосредоточенія и напряженія общественныхъ силъ для отпора; но область личной мысли была еще довольно обширна. *Стихія народная не враждовала съ общечеловѣчески.мъ даже тогда, когда общечеловѣческое приходи-*

---

¹) См. Труды Академіи 1900 г. м. іюнь.

ло къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ. Доказательствомъ тому служитъ знаніе иностранныхъ языковъ и особенно похвала этому знанію, призваніе иностранныхъ художниковъ, охотное сближеніе съ иноземцами даже духовнаго званія, вліяніе Западнаго искусства на Новгородскую иконопись, принятіе многихъ Западныхъ сказокъ, знакомство съ нѣмецкими сагами изъ круга Нибелунговъ (какъ видно изъ Новгородскаго летописца), наконецъ сочувствіе съ явленіями Западнаго міра, отчасти заслуживающими этого сочувствія (напримѣръ, съ крестовыми походами), и многимъ другимъ. Кажется, подозрительность и вражда къ Западной мысли стали проявляться съ нѣкоторою силою послѣ Флорентійскаго собора и Латинскаго насилія въ русскихъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшѣ. Развились онѣ вполнѣ вслѣдствіе безумной и глубокой ненависти къ Русскимъ людямъ, доказанной Швеціей и купечествомъ и баронствомъ при-Балтійскимъ; болѣе же всего вслѣдствіе вражды и лукавства Польскихъ магнатовъ и Латинскаго духовенства. Мало-по-малу народная стихія стала являться исключительно и враждебною ко всему иноземному.

„Область духа человѣческаго была стѣснена: но такое стѣсненіе, противное какъ истинѣ человѣческой, такъ и требованіямъ духа Русскаго и кореннымъ основамъ его внутренней жизни, должно было произвести сопротивленіе, доходящее до противоположной крайности. Борьба 1612 года была не только борьбою государственной и политической, но борьбою духовною. Европеизмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истиною, являлся въ Россіи въ образѣ Польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями Западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношеніи они не заслуживали уваженія. Иначе и быть не могло: нравственно низкія души легче другихъ отрываются отъ святости народной жизни. Правда, люди, желавшіе измѣнить старину, были въ то же время измѣнни-

ками отечеству, но это была только историческая случайность въ ихъ положеніи. Въ сущности же ихъ направленіе, произведенное случайнымъ ожесточеніемъ народнаго начала, стѣснявшаго свободу мысли человѣческой, было не совсѣмъ неправо. Сила Русскаго духа восторжествовала: Москва освобождена, Русскій царь на престолѣ; но требованіе мысли, возстающей противъ стѣснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мѣстныхъ, не осталось безъ представителей. Худшая сторона его выражалась въ такихъ людяхъ, какъ развратный бѣглець и клеветникъ Котошихинъ, или какъ Хворостининъ, который говорилъ, что „Русскій людъ такъ глупъ, что съ нимъ жить нельзя“; но лучшая сторона того же требованія находила сочувствіе въ лучшихъ и благороднѣйшихъ душахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно *должно было получить со временемъ свои законныя права*; быть можетъ, оно должно было впасть въ крайность, потому что вызвано было противоположною крайностью. Какъ бы то ни было, оно нашло себѣ представителя, давшаго ему полный перевѣсъ и быструю побѣду. Этотъ представитель, одинъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ и едва ли не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись, былъ Петръ“¹⁾. „По какому то странному инстинкту души высокой, обнявъ однимъ взглядомъ всѣ бѣдныя отечества, постигнувъ все прекрасное и святое значеніе слова: государство, онъ *ударилъ по Россіи, какъ страшная, но благотворительная гроза*. Ударъ по сословію судей—воровъ; ударъ по боярамъ, думающимъ о родахъ своихъ и забывающимъ родину; ударъ по монахамъ, ищущимъ душе спасенія въ кельяхъ и поборовъ по городамъ, а забывающимъ Церковь и человѣчество, и братство христіанское. За кого изъ нихъ заступится исторія?

Много ошибокъ помрачаютъ славу преобразователя Россіи, но ему остается честь *пробужденія* ея къ силѣ и къ

¹⁾ Т. I, стр. 153–155.

сознанию силы. Средства, имъ употребленныя, были грубыя и вещественныя: но не забудемъ, что силы духовныя принадлежатъ народу и Церкви, а не правительству: правительству же предоставлено только пробуждать или убивать ихъ дѣятельность какимъ-то насиліемъ, болѣе или менѣе суровымъ. Но грустно подумать, что тотъ, кто такъ живо и сильно понять смыслъ государства, кто поработилъ вполнѣ ему свою личность, также какъ и личность всѣхъ подданныхъ, не вспомнилъ въ то же время, что тамъ только сила, гдѣ любовь, а любовь только тамъ, гдѣ личная свобода¹⁾.

Впрочемъ, не нужно забывать, что Петръ боролся „съ цѣлю, нѣсколько *закоsnѣвшею* жизнью, и онъ боролся съ нею во всѣхъ ея направленіяхъ. Онъ вводилъ всѣ формы Запада, всѣ даже самыя неразумныя, онъ искажалъ многое, чего бы не долженъ былъ касаться: онъ искажалъ прекрасный языкъ Русскій, онъ искажалъ самое благородное свое имя, коверкая его въ Голландскую фирму Питеръ; *но елико это было необходимо. Онъ хотѣлъ потрясти вѣковой сонъ, онъ хотѣлъ пробудить спящую Русскую мысль посредствомъ болезненнаго потрясенія*“. Здѣсь причина той неразборчивости, которую онъ проявлялъ при выборѣ средствъ. „Человѣкъ боролся, и въ борьбѣ разгорѣлись страсти, и онъ увлекся тѣмъ нетерпѣніемъ, которое такъ естественно историческимъ дѣятелямъ, которое такъ естественно всякому человѣку при встрѣчѣ съ препонами въ подвигѣ, который онъ считаетъ добрымъ“²⁾. Вотъ почему, „какъ бы строго ни судила его будущая исторія (и безспорно, много тяжелыхъ обвиненій падеть на его память), она, признаетъ, что *направленіе, котораго онъ былъ представителемъ не было совершенно неправымъ*; оно сдѣлалось неправымъ въ своемъ торжествѣ, а это торжество

1) Ibid. 375—376.

2) Ibid. 180—181.

было полно и совершенно. Нечего говорить, что всѣ Котошихины, Хворостинины и Салтыковы бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они, такъ сказать, могли расплескаться въ Русскій постъ. Та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра, увлекла многихъ и лучшихъ; окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ.— Такимъ образомъ, вслѣдствіе историческихъ случайностей, совершился въ Россіи тотъ *разрывъ*, который (какъ это раньше мы видѣли) совершился въ Англіи вслѣдствіе неполноты и ложности ея духовныхъ законовъ“ ¹⁾).

Дѣятельность Петра В. принесла намъ двоякаго рода плоды. Одною своею стороною она была несомнѣнно благодѣтельна. Уже давно пробудившаяся жажда знанія теперь могла быть удовлетворена и дѣйствительно „наука явилась на призывъ великаго генія, измѣнившая судьбу государства. Отовсюду стали стекаться къ намъ множество ученыхъ иностранцевъ со всѣми разнообразными изобрѣтеніями Запада. Множество было отцано Русскихъ на выучку къ этимъ новымъ учителямъ, и разумѣется, по Русской смысленности они выучились довольно легко; но наука еще не пустила крѣпкихъ корней. Въ ученіе къ иностранцамъ отдавались люди, принадлежащіе къ высшему и служилому сословію; другія заботы, другія привычки, наслѣдственные и родовыя, отвлекали ихъ отъ поприща, на которое они были призваны новыми государственными потребностями. Въ наукѣ видѣли они только обязанность свою, и много-много общественную пользу. Съ дальнихъ береговъ Сѣвернаго Океана, изъ родовъ простыхъ крестьянъ—рыбаковъ, вышелъ новый преобразователь. Много натерпѣлся онъ въ жизни своей для науки, много настрадался, но сила души его восторжество-

¹⁾ Ibid 155.

вала. Онъ полюбилъ науку ради науки самой, и завоевалъ ее для Россіи. Быстры были наши успѣхи; жадно принимали мы всякое открытіе, всякое знаніе, всякую мысль и, какъ бы ни былъ самолюбивъ Западъ, онъ можетъ не стыдиться своихъ учениковъ. Но мы еще не приобрѣли права на собственное мышленіе или если приобрѣли, то мало имъ воспользовались. Наша ученическая довѣрчивость все перенимаетъ, все повторяетъ, всему подражаетъ, не разбирая, что принадлежитъ къ положительному знанію, что къ догадкѣ, что къ общечеловѣческой истинѣ, и что къ мѣстному. всегда къ полу-лживому направленію мысли; но и за эту ошибку насъ строго судить не должно. Есть невольное, почти неотразимое обаяніе въ этомъ богатомъ и великомъ мірѣ Западнаго просвѣщенія. Строгаго анализа нельзя требовать отъ народа въ первыя минуты его посвященія въ тайну науки. Ошибки были неизбѣжны для первыхъ преобразователей. Великій геній Ломоносова подчинился вліянію своихъ ничтожныхъ современниковъ въ поэзіи Германской. Понимая строгую послѣдовательность и, такъ сказать, рабство науки (которое познаетъ только то, что уже есть, онъ не понялъ свободы художества, которое не воспринимаетъ, но творитъ, и отъ того надолго пошло наше художество по стезямъ рабскаго подражанія. Въ народахъ развивающихся самобытно, богатство содержанія предшествуетъ усовершенствованію формы. У насъ было наоборотъ. Поэзія наша содержаніемъ скудна, красотою же наружной формы равняется съ самыми богатыми словесностями и не уступаетъ ни одной. Разгадка этого исключительнаго явленія довольно проста. Свобода мысли у насъ была закована страстью къ подражанію, а внѣшняя форма поэзіи (языкъ) была выработана вѣками самобытной Русской жизни“ ¹⁾).

— — — — —

¹⁾ Ibid. 11—12

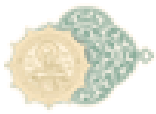
Въ этомъ нашемъ отношеніи къ европейскому просвѣщенію въ сущности не было ничего новаго, чего нибудь такого, что бы не встрѣчалось въ исторіи. И это понятно. „Новопросвѣщаемая земля можетъ получить въ дѣлѣ просвѣщенія данныя и выводы уже готовые, и такъ сказать, утвердить ихъ на память, или получить ту искру просвѣщенной мысли, которая должна въ послѣдствіи разгорѣться свѣтлымъ и чистымъ огнемъ, питаемымъ родными матеріалами. Но послѣдній случай составляетъ весьма рѣдкое исключеніе. Обыкновенно народъ просвѣтителъ (хотя бы онъ былъ дѣйствительно просвѣтителемъ только въ отношеніи къ положительному знанію) поражаетъ такимъ блескомъ глаза своихъ учениковъ, что всѣ явленія его умственной и нравственной жизни, всѣ даже внѣшнія особенности его вещественнаго быта тѣлятся предметомъ суевѣрнаго поклоненія или безразсуднаго подражанія. Таково было отчасти вліяніе народовъ Романскихъ на племена Германскія. Самолюбивая Англія обезъяничала передъ Италією, а въ Германіи еще Фридрихъ II презиралъ Нѣмецкій языкъ. То же явленіе повторилось и у насъ, только въ размѣрахъ гораздо большихъ, потому что Западъ уже развилъ всѣ свои умственные силы, а мы были въ совершенномъ младенествѣ въ отношеніи къ знаніямъ, которыя мы получили отъ своихъ Европейскихъ братій. Соблазнъ былъ неизбеженъ“ ¹⁾. Освободиться отъ него было очень трудно. „Собственно наукообразное развитіе нашего общества (конца сороковыхъ годовъ) дѣлится на два разряда. Большинство довольствуется издавна полученнымъ направленіемъ Французской образованности и съ тихимъ самодовольствіемъ продолжаетъ повторять старые уроки, перешедшіе едва ли уже не въ третье поколѣніе, разнообразя ихъ современными вариациями, взятыми изъ глубокомысленныхъ Французскихъ жур-

---

¹⁾ Ibid. 545—546.

наловъ. Повидимому, въ этомъ большинствѣ нѣтъ единства мнѣнія, но дѣйствительныя основы мнѣнія одинаковы у всѣхъ; разницы же заключаются только въ томъ, что для иного оракуломъ служить La Presse, для другого National, для третьяго Journal des Débats и т. д. Все это большинство можно заключить подъ общимъ именемъ школьниковъ Французскихъ журналовъ. Меньшинство пошло гораздо далѣе: оно проникло въ глубь Нѣмецкаго просвѣщенія. Тому лѣтъ двадцать, съ полною вѣрою въ Шеллинга, оно субъектировало, объектировало и субъектобъектировало весь міръ; потомъ вмѣстѣ съ Гегелемъ отвергая чуть-чуть не съ презрѣніемъ поэтическую мечтательность Шеллинговой эпохи, оно, процессомъ феноменологія, высушивало тотъ же міръ до совершеннѣйшаго скелета или, лучше сказать, до признака какого-то скелета, до бытія тождественнаго небытію, и вдыхало ему снова жизнь и сущность посредствомъ многосложнаго аппарата логическихъ моментовъ. Прошла и эта эпоха. Умственная Германія протянула руку умственной Франціи, которою пренебрегала чуть-чуть не полвѣка, и сливки нашего просвѣщенія получили ту же закваску. Многоученное меньшинство, школьники Нѣмецкой философіи, поступило вмѣстѣ съ Нѣмецкими университетами подъ тѣ знамена, подъ которыми идетъ большинство, — подъ знамена Французской журналистики. Гдѣ же плоды того умственного воспитанія, которое это меньшинство получило изъ Германіи и которое могло обмануть поверхностнаго наблюдателя? Гдѣ готъ жаръ увлеченія, который заставляетъ людей, не знавшихъ Нѣмецкаго языка, но желавшихъ принадлежать къ ученому меньшинству, цитовать вкривь и вкосъ авторитеты Нѣмецкіе, непонятные для нихъ самихъ, или томить публику сухими и темными формулами, убивающими всякое живое разумѣніе? Гдѣ тотъ жаръ вѣрованія, который обращалъ другихъ, болѣе добросовѣстныхъ и свѣдущихъ, въ истинныхъ мучениковъ науки, проводящихъ безсонныя ночи въ безконечныхъ преніяхъ о философскихъ

отвлеченностяхъ, не только въ тепломъ убѣжищѣ дружественныхъ салоновъ, но и на трескучихъ морозахъ Петербургскихъ или Московскихъ ночей? Правда, есть люди, но они на перечесть, которые вынесли изъ этого воспитанія умственную дѣятельность, поставившую на новые самобытные пути мышленія; большая же часть поносила съ мыслию, не оживившись ею, отстала отъ мысли, не додумавъ ея, и безпрестанно принимаетъ изъ-за моря новыя направленія и, такъ сказать, новыя временныя вѣрованія, съ тою же дѣтскою довѣренностью, съ которою она лепетала формулы Нѣмецкой науки. Для нея наукообразная форма Германская была только модою, и скорѣе Петербургская щеголиха (пожалуй, хоть и львица) надѣнетъ платье, сшитое по третьегодней модѣ, чѣмъ нашъ книжникъ заговорить формулами или о формулахъ мышленія, нѣкогда бывшаго предметомъ его боготворенія. Разумѣется, наука невозможна при такомъ направленіи. Если же какъ-нибудь случайно выскажется какая-нибудь мысль, естественно родившаяся на Русской почвѣ, — полукнижное большинство и книжное меньшинство встрѣчаютъ ее одинаково непонятливостью (очень естественною, потому что умъ человѣческій не безъ усилія вырывается изъ привычной своей колеи) и одинаковымъ недоброжелательствомъ, происходящимъ также отъ весьма естественнаго желанія сохранить неприкосновенность своего умственного сна. Всѣ единогласно провозглашаютъ новую мысль парадоксомъ (какъ въ извѣстной сценѣ *Горе отъ ума*: „это странно что-то!“), при чемъ большинство объявляетъ, что новый парадоксъ не совсѣмъ благовиденъ (ибо нашъ общественный Вигизмъ имѣетъ сильное притязаніе на консерваторство и на Торизмъ, не сознавая своего Вигизма и не понимая, что Торизмъ совершенно невозможенъ при полномъ разрывѣ съ пародомъ и народною жизнью). Меньшинство же хватается на скорую руку какое-нибудь пошлое возраженіе и бросаетъ его, къ общему удо-

вольствію, въ міръ мелкой журналистики. Тѣмъ дѣло и по-канчивается“ 1).

Чтобы просвѣщеніе перестало быть пошлой модой, чтобы оно пустило глубокіе корни и сдѣлалось плодотворнымъ, необходимо, чтобы оно органически выросло изъ жизни, какъ стволъ растенія вырастаетъ изъ корней. „Перенесенное какъ готовый плодъ, какъ вещь, какъ формула изъ чужой стороны, оно не понимаетъ ни жизни, изъ которой оно возникло, ни своей зависимости отъ нея; оно вообще ни съ какою жизнію и ни съ чѣмъ живымъ сочувствовать не можетъ. Ему доступны только одни результаты, въ которыхъ скрывается и исчезаетъ все предшествовавшее имъ жизненное движеніе“. Для людей нашего просвѣщенія весь Западъ, въ своемъ устройствѣ общественномъ и въ своемъ художественномъ или ученомъ развитіи, представляется „какъ сухая формула, которую можно перенести на какую угодно почву, исправивъ мелкія ошибки, разграфивъ по статьямъ и свѣривъ статью съ статьею, какъ простую конторскую книгу, между тѣмъ какъ самъ Западъ созданъ не наукою, а бурною и тревожною исторіею и въ глазахъ строгаго разсуда не можетъ выдержать ни малѣйшей аналитической повѣрки. Это, конечно, говорится не въ попрекъ, а въ похвалу. Мелкое мѣрило разсудка ничтожно для проявленій цѣлости человѣческой, и только то право въ его глазахъ, что въ жизни негодно. На Западѣ всякое учрежденіе, также какъ и всякая система, содержитъ въ себѣ отвѣтъ на какой нибудь жизненный вопросъ, заданный прежними вѣками. Борьба между племенами завоевательнымъ и завоеваннымъ, борьба между дикимъ и воинственнымъ барономъ, бичемъ селъ и ихъ безсильныхъ жителей, и промышленнымъ городскимъ барономъ (т. е. феодальною городскою общиною), врагомъ тѣхъ же безсильныхъ жителей сельскихъ; борьба между христіанскимъ чувствомъ, отвергаю-

---

1) Ibid. 47—48.

щимъ христіанское ученіе и мнимо-христіанскимъ ученіемъ, отвергающимъ христіанскую жизнь; борьба между свободою мысли человѣческой и насиліемъ схоластическаго преданія,— все это нестройное и отчасти безсмысленное прошедшее выпечталось въ настоящемъ, разрѣшаясь или находя мнимое примиреніе въ условныхъ и временныхъ формахъ. Жизнь вездѣ предшествовала наукѣ, и наука безсознательно отражаетъ то прошедшее, надъ которымъ часто смѣется¹⁾.

Конечно, „наука, т. е. анализъ, по сущности своей вездѣ одинъ и тотъ же. Его законы одни для всѣхъ земель. для всѣхъ временъ; но синтезъ, который его сопровождаетъ, измѣняется съ мѣстностями и со временемъ. Тотъ, кто не понимаетъ внутренней связи, всегда существующей между анализомъ и синтезомъ, изъ котораго онъ возникаетъ, впадаетъ въ жалкую ошибку. Въ Россіи эта ошибка достигла громадныхъ, почти невѣроятныхъ размѣровъ. Сознательно введены были къ намъ однимъ человѣкомъ всѣ формы Запада, всѣ внѣшніе образы его жизни; безсознательно схватились мы именно за эти формы и за эти образы... Формы, облекающія просвѣщеніе, приняты были нами за самое просвѣщеніе, и самодовольное невѣжество воображаетъ себѣ, что оно приняло образованность. Разумѣется, нельзя отрицать того, чтобы съ этими формами не были приняты нами и нѣкоторыя знанія; но какъ скудны эти познанія! Какъ бѣденъ плодъ полуторавѣковаго ученичества! Пусть оглянется безпристрастный мой соотечественникъ на эту великую Русь вещественную, географическую, созданную до Петра или силою до Петровскихъ стихій, и сравнитъ ее съ другими державами: ему покажется, что самъ растетъ, думая о ней. Пусть оглянется онъ на умственную Россію, созданную послѣ Петра, и сравнитъ плоды ея дѣятельности съ умственною дѣятельностью другихъ народовъ и попробуетъ хоть

---

¹⁾ Ibid. 47—48.

скольконибудь погордиться: ему покажется (и не совсѣмъ несправедливо), что его самого и всю нашу науку легко упрячетъ любой Нѣмецъ въ какую нибудь карманную книжку“¹⁾).

Понять причину послѣдняго явленія не трудно. Истинное „просвѣщеніе не есть только сводъ и собраніе подожительныхъ знаній: оно глубже и шире такого тѣснаго опредѣленія. *Истинное просвѣщеніе есть разумное просвѣтленіе всего духовнаго состава въ человѣкѣ или народѣ.* Оно можетъ соединиться съ наукою, ибо наука есть одно изъ его явленій, но оно сильно и безъ наукообразнаго знанія; наука же (одностороннее его развитіе) безсильна и ничтожна безъ него. Нѣкогда оно было и у насъ, не смотря на нашу бѣдность въ наукообразномъ развитіи, и отъ него остались великіе, но слишкомъ мало замѣченные слѣды“. У насъ любятъ сравнивать наше старое просвѣщеніе съ просвѣщеніемъ Западныхъ странъ. „Сравненіе съ ними слишкомъ затруднительно и слишкомъ подвержено спорамъ, потому что всякому образованному Русскому все-таки естественно кажется, что человѣкъ, который говоритъ только по-французски или по-нѣмецки, образованнѣе того, кто говоритъ только по-русски; но если сравнить безпристрастно Среднюю или Сѣверную Россію съ Западною, то мысль эта будетъ довольно ясна. Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣщеніе Западнаго Русса далеко уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ просвѣщенію его Восточнаго брата, а между тѣмъ образованное общество въ Западной Россіи, конечно, не уступаетъ намъ (Великороссамъ) нисколько въ знаніяхъ, а въ старину далеко и далеко насъ превосходило. Откуда же эта разница? Не очевидно ли отъ того, что на Западѣ Россіи рано произошло раздвоеніе между жизнію народною и знаніемъ высшаго

---

¹⁾ Ibid. 181—182. Писано въ 1851 г., слѣд. идетъ рѣчь объ „умственной Россіи“ эпохи Николая I.

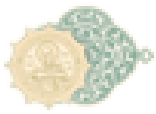
сословія, тогда какъ у насъ, при всей скудости наукообразнаго знанія, живое начало просвѣщенія долго соединяло въ одно цѣльное единство весь общественный организмъ. *Разумное просвѣщеніе духа человѣческаго есть тотъ живой корень, изъ котораго развиваются и наукообразное знаніе, и такъ называемая цивилизація или образованность; оно есть самая жизнь духа въ ея лучшихъ и возвышеннѣйшихъ стремленіяхъ.* Наука не заключаетъ еще въ себѣ живыхъ началъ образованности. Нерѣдко случается намъ видѣть многостороннихъ ученыхъ, которыхъ (однакоже) нельзя назвать образованными людьми. Наука можетъ разниться степенями своими по состояніямъ, по богатству, по досугамъ и по другимъ случайностямъ жизни; просвѣщеніе есть общее достояніе и сила цѣлаго общества и цѣлаго народа. Этою силою отстоялся Русскій человѣкъ отъ многихъ бѣдъ въ прошедшемъ, и этою силою будетъ онъ крѣпокъ въ будущемъ. Россія приняла въ свое великое лоно много разныхъ племенъ, Финновъ при-Балтійскихъ, при-Волжскихъ Татаръ, Сибирскихъ Тунгузовъ, Бурятъ и др.; но имя, бытіе и значеніе получила она отъ Русскаго народа (т. е. человѣка Великой, Малой, Бѣлой Руси). Остальные должны съ нимъ слиться вполне: разумные, если поймутъ эту необходимость; великіе, если соединяться съ этою великою личностью; ничтожные, если вздумаютъ удерживать свою мелкую самобытность. Русское просвѣщеніе—жизнь Россія¹⁾.

Но правда-ли, что наше умственное развитіе такъ ничтожно, наше просвѣщеніе такъ бесплодно? Поверхностный взглядъ на наше просвѣщеніе и на то общество, въ которомъ оно заключено, можетъ представить фактъ въ иномъ свѣтѣ; но присмотритесь ближе къ дѣлу и обманъ такого представленія сдѣлается очевиднымъ. И въ самомъ дѣлѣ, у насъ „познанія, повидимому, такъ разнообразны и обширны, умствен-

---

¹⁾ Ibid. 26—27.

ныя способности такъ развиты, ясность и быстрота понятій доведены до такой высокой степени, что изумишься по неволѣ. Чего бы, кажется, не ожидать отъ такого остроумія. отъ такого мысленнаго богатства? Какихъ великихъ открытій въ наукѣ, какихъ чудныхъ приложений въ жизни, какихъ быстрыхъ шаговъ впередъ для цѣлой массы народа и для всего человѣчества? А что выходитъ на повѣрку? Всѣ эти познанія, вся эта умственная живость—остаются безъ плода“. Они бесплодны не только для человѣчества, не только для народа, которому они совершенно чужды, „они остались бесплодны для самой науки. Въ этомъ мы можемъ и должны сознаться съ смиреннымъ убѣжденіемъ. Весь этотъ блескъ ума едва-ли выдумалъ порядочную мышеловку. Таково послѣдствіе разрыва между просвѣщеніемъ и жизнью. При немъ умственное развитіе заключается въ самые тѣсные предѣлы. Разумъ безъ силы и полноты остается въ мертвенномъ усыпленіи, и всѣ способности человѣка исчезаютъ въ одностороннемъ развитіи поверхностнаго разсудка, лишеннаго всякой творческой силы. Всеразлагающій анализъ въ наукѣ. но анализъ безъ глубины и важности, безнадежный скептицизмъ въ жизни, холодная и жалкая иронія, смѣющаяся надъ всѣмъ и надъ собою въ обществѣ,—таковы единственныя принадлежности той степени просвѣщенія, которой мы покуда достигли. Но умъ человѣческій не можетъ оставаться въ этомъ мертвенномъ безсиліи. Лишенная самобытныхъ началъ, неспособная создать себѣ собственную творческую дѣятельность. оторванная отъ жизни народной, наша наука питается безпрестаннымъ приливомъ изъ тѣхъ областей, въ которыхъ она возникла и изъ которыхъ къ намъ перенесена. Она всегда учена заднимъ числомъ; а общество, которое служить ей сосудомъ, по неволѣ и безсознательно питаетъ раболопное почтеніе къ тому міру, отъ котораго получаетъ свою умственную пищу. Какъ бы оно, повидимому, ни гордилось, какъ бы оно строго ни судило о разнообразныхъ

явленіяхъ Запада, которыхъ часто не понимаетъ (какъ разсудокъ вообще никогда не понимаетъ жииненной полноты), оно болѣе чѣмъ когда нибудь рабствуетъ безсознательно передъ своими Западными учителями, и къ несчастію еще рабствуетъ охотно, потому что для его гордости отраднѣе поклониться жизни, которую оно захотѣло (хотя и неудачно) къ себѣ привить, чѣмъ смириться, хоть на время, передъ тою жизнію, съ которою оно захотѣло (и къ несчастію слишкомъ удачно) разорвать всѣ свои связи“.

Но если, при данныхъ условіяхъ, для нашего общества не возможно истинное просвѣщеніе. то не возможна-ли для него по крайней мѣрѣ наука? Въдѣ сила науки въ анализѣ, а анализа мы не лишены. Оказывается, что и это не возможно. Дѣло въ томъ, что „въ уснѣхахъ науки строгій и всеразлагающій анализъ, какъ мы уже знаемъ, постоянно сопровождается творческою силою синтеза, тѣмъ ясновидящимъ гаданьемъ, которое въ людяхъ, одаренныхъ геніемъ, далеко опережаетъ медленную повѣрку опыта и анализа, предчувствуя и предсказывая будущіе выводы и всю полноту и величіе еще несозданной науки. Это явленіе есть явленіе жизненное; оно замѣтно въ Кеплерахъ, въ Ньютонахъ, въ Лейбницахъ, въ Кюмпе и въ другихъ имъ подобныхъ подвижникахъ мысли; но оно невозможно тамъ, гдѣ жизнь изсякла или заглохла. Сверхъ того, самая способность аналитическая раздѣляется на многія степени, и высшія изъ нихъ доступны только тому человѣку или тому обществу, которое чувствуетъ въ себѣ богатство жизни, не боящейся анализа и его всеразлагающей силы. У нихъ, и только у нихъ, наука имѣетъ истинную и внутреннюю свободу, необходимую для ея развитія и процвѣтанія. У насъ анализъ возможенъ, но только въ своихъ низшихъ степеняхъ. При нашей ученической зависимости отъ Западнаго міра, мы только и можемъ позволить себѣ поверхностную повѣрку его частныхъ выводовъ и никогда не можемъ осмѣлиться под-

вергнуть строгому допросу общія начала или основы его системъ“¹⁾).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наше европейничанье не всегда было одинаково: оно имѣло свои стадіи развитія. При первомъ нашемъ знакомствѣ съ Западно-Европейскою образованностью, „когда все ея величіе и блескъ впервые стали поражать наши глаза, когда ея слабости, ея неполнота, ея внутренняя нестройность были еще совсѣмъ недоступны нашей критикѣ и когда самъ Западъ еще не начиналъ (какъ онъ очевидно теперь начинаетъ) сомнѣваться въ самомъ себѣ“,—наше преклоненіе предъ нею было гораздо сильнѣе и довѣрчивѣе. „И теперь мы стараемся подражать, но уже подражаніе наше имѣетъ изрѣдка кое-какія притязанія на оригинальность. Въ первые и, такъ сказать, наши ученическіе годы мы старались не только быть подражателями, но обратиться въ простой сколокъ съ Западнаго міра. Не для чего толковать о томъ, удалось ли намъ это, или до какой степени удалось! Уже одной страсти ко всему иноземному, уже одного ревностнаго желанія уподобиться во всемъ нашимъ иностраннымъ образцамъ было достаточно, чтобы оторвать насъ отъ своихъ коренныхъ источниковъ умственной и духовной жизни. Продолжая въ глубинѣ сердца любить родную землю, мы уже всѣми силами ума своего отрывались отъ ея исторіи и отъ ея духовной сущности“²⁾. Особенность нашего европейничанья на этой первой стадіи его развитія состояла между прочимъ въ томъ, что мы, мѣняя предметъ нашего поклоненія, сегодня, такъ сказать, умничали на счетъ Франціи, завтра на счетъ Германіи, потомъ на счетъ Англіи и т. д. Теперь не то. „Насъ уже нельзя называть поклонниками Франціи, или Англіи, или Германіи—мы не принадлежимъ никакой отдѣльной школѣ: мы эклектики

¹⁾ Ibid 35.

²⁾ Ibid 17.

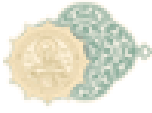

въ своемъ поклоненіи; но точно также рабски преклоняемъ колѣна предъ своими кумирами. Свобода мысли и сужденій не возможна безъ твердыхъ основъ, безъ данныхъ, сознанныхъ или созданныхъ самобытною дѣятельностію духа, безъ такихъ данныхъ, въ которыя онъ вѣрится съ твердою вѣрою разума, съ теплою вѣрою сердца. Гдѣ эти данныя у насъ? Эклектизмъ не спасетъ отъ суевѣрія, и едва ли даже суевѣріе эклектизма не самое упорное изъ всѣхъ: оно соединяется съ какою то самодовольною гордостью и утѣшаетъ себя мнимой дѣятельностію лѣниваго разсудка“ ¹⁾.

Въ оправданіе и въ утѣшеніе себя мы любимъ ссылаться на Западно-Европейскую исторію, утверждая, „что и всѣ народы, такъ же, какъ и мы, были подражателями; что Германцы точно такъ же, приняли науку и искусство отъ Рима, какъ мы отъ Романо-Германскаго міра“. Эта ссылка неудачна. „Правда, что Римъ передалъ просвѣщеніе Германцу. но неправда, чтобы онъ передалъ его такъ же, какъ Германецъ Россіи. Не Франкъ-завоеватель просвѣтилъ Галла, но побѣжденный Галлъ Франка. Не отъ Норманна получилъ просвѣщеніе свое Саксонецъ (за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ ничтожныхъ улучшеній во внѣшнемъ бытѣ), но побѣжденный Саксонецъ передалъ просвѣщеніе свое побѣдителю Норманну. Это доказывается не только исторіею, но и языковѣдѣніемъ. Такъ просвѣщеніе вездѣ переходило отъ низшихъ или, по крайней мѣрѣ, среднихъ слоевъ общества въ высшіе, проникая почти весь его составъ одною силою умственного развитія, однимъ дыханіемъ общей жизни. Не такъ было у насъ. Одно только высшее сословіе могло воспользоваться и воспользовалось новыми пріобрѣтеніями знанія. Старое по своему родовому происхожденію отъ служилыхъ людей, новое по своему характеру сословія, оно приняло въ себя все богатство новаго просвѣщенія, поглощая его въ одномъ себѣ,

¹⁾ Ibid. 33.

замыкая его въ своемъ кругѣ и замыкаясь само этою новою, почти внѣшнею силою. Всѣ другія сословія остались чуждыми новому движенію. Они не могли воспользоваться сокровищами науки, которая привозилась къ намъ какъ заграничный товаръ, доступный только для немногихъ, для досужихъ, для богатыхъ. Они не могли, а многіе изъ нихъ и не хотѣли ею воспользоваться. Если даже частное усовершенствованіе, если всякое отдѣльное изобрѣтеніе, даже въ наукахъ прикладныхъ, носить на себѣ печать земли, въ которой оно возникло и составляетъ. такъ сказать, часть ея духа: то тѣмъ болѣе цѣлая образованность, или цѣлая система знанія запечатлѣвается мѣстнымъ характеромъ той области, въ которой она развилась, и передаетъ этотъ духъ и этотъ характеръ всякой землѣ, которая ее усваиваетъ и даетъ ей права гражданства. Темное чувство этой невидимой и въ то время еще не сознанной опасности удаляло отъ новаго просвѣщенія множество людей и цѣлыя сословія, для которыхъ оно могло бы быть доступно, и это удаленіе, которое спасло насъ отъ полнаго разрыва со всею нашею историческою жизнію, мы можемъ и должны признать за особое счастье. Оно безспорно происходило изъ добраго начала, изъ того неопредѣленнаго ясновидѣнія разума человѣческаго, которое предугадываетъ многое, чему еще не можетъ дать ни имени, ни положительнаго очертанія. Къ счастью для подкрѣпленія этого темнаго, но спасительнаго чувства, образованность иноземная, переходя къ намъ, привязалась упорно (вѣроятно, она иначе сдѣлать не могла) къ тѣмъ видимымъ и вещественнымъ формамъ, въ которыя она была облечена у Западныхъ народовъ. Бѣ *перусскія* и *необщечеловѣческія* начала обличались уже и тѣмъ, что не могли и не хотѣли разстаться съ своимъ Западнымъ нарядомъ. Между тѣмъ тѣ люди или сословія, въ которыхъ или жажда знанія была сильнѣе, или привязанность къ исторической старинѣ менѣе сильна, отдѣлялись все болѣе и болѣе отъ тѣхъ, которые не могли или не хотѣли

послѣдовать за ними по новооткрытымъ путямъ. Казалось бы, что раздвоеніе должно быть сильнѣе въ первые годы, когда фанатизмъ подражанія Западу былъ ревностнѣе и страстнѣе, чѣмъ въ послѣдующее время; но на дѣлѣ выходило иначе. Многіе сначала были подражателями по неволѣ и роптали на горькую необходимость науки. Всѣ, даже тѣ, которые бросились съ полнымъ сознаниемъ и страстною волею въ пути иноземнаго просвѣщенія, принадлежали Западному міру только мыслию своею, а жизнью, обычаемъ и сочувствіями они еще принадлежали родимой старинѣ. Люди прежняго вѣка еще не успѣли сойти въ гробъ, воспоминанія дѣтства еще связаны были съ воспоминаніями о другомъ порядкѣ вещей и мысли. Еще сильны были няньки да дядьки, да весь Русскій домъ, который не успѣлъ передѣлаться на иностранный ладъ. Но разъ принятое направленіе должно было развиваться все болѣе и болѣе уже подъ влияніемъ не только страсти, но и логической необходимости. Старики вымирали, дома перелаживались, Европейство утверждалось, дѣти и внуки просвѣщеннаго поколѣнія были просвѣщеннѣе своихъ предшественниковъ. Система просвѣщенія, принятая извнѣ, приносила съ собою свои умственные плоды въ гордости, которая пренебрегала всѣмъ роднымъ, и свои жизненные плоды въ оскуднѣніи всѣхъ самыхъ естественныхъ сочувствій. Раздвоеніе утвердилось надолго.

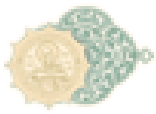
„Очевидно, что при такомъ гордомъ самодовольствіи людей просвѣщенныхъ, даже формальное, наукообразное знаніе ихъ о Россіи должно было ограничиться весьма тѣсными предѣлами, ибо въ нихъ исчезало самое желаніе знать ее; но еще болѣе должно было пострадать другое высшее, жизненное знаніе, необходимое для общества такъ же, какъ и для человѣка. Общество, такъ же, какъ человѣкъ, сознаетъ себя не по логическимъ путямъ. Его сознаніе есть самая его жизнь; оно лежитъ въ единствѣ обычаевъ, въ тождествѣ нравственныхъ или умственныхъ побужденій, въ живомъ и непрерыв-

номъ объѣмѣ мысли, во всемъ томъ безпрестанномъ волненіи, которымъ зиждутся народъ и его внутренняя исторія. Оно принадлежитъ только личности народа, какъ внутреннее, жизненное сознаніе человѣка принадлежитъ только собственной его личности. Оно недоступно ни для иностранца, ни для тѣхъ членовъ общества, которые волею или неволею отъ него уединились. Это жизненное сознаніе, такъ же, какъ его отсутствіе, выражается во всемъ. Иностранецъ, какъ бы онъ ни овладѣлъ чужимъ языкомъ, никогда не обогатитъ его словесности: онъ всегда будетъ писателемъ безжизненнымъ и безсильнымъ. Ему останутся всегда чуждыми тѣ необъяснимыя прихоти нарѣчія, въ которыхъ выражается вся прелесть, вся оригинальность, вся подвижность народной фізіономіи... Языкъ, чтобы быть послушнымъ и художественнымъ орудіемъ нашей мысли, долженъ быть не только частію нашего знанія, но частію нашей жизни, частію насъ самихъ. Отъ того-то иностранецъ или человѣкъ, отдаленный отъ живого говора народнаго, долженъ довольствоваться языкомъ книжнымъ¹⁾.

Но какъ внѣ общенія съ народною жизнію невозможна истинно художественная словесность, такъ точно внѣ народности невозможно и всякое вообще свободное творчество, слѣдовательно невозможно какое бы то ни было искусство. „Конечно, говорить Хомяковъ, найдутся люди (я такихъ и встрѣчалъ и знаю), которые скажутъ: „Почему же школа искусствъ должна быть народною? Прекрасное вездѣ прекрасно. Надобно искать искусства, а не народности въ искусствѣ. Этотъ тѣсный и, такъ сказать, славянофильскій взглядъ на прекраснѣйшее явленіе духа человѣческаго убиваетъ силы духовныя или увлекаетъ ихъ по ложнымъ, безъисходнымъ путямъ: онъ недостойнъ ни просвѣщеннаго XIX вѣка, ни просвѣщенной земли“. Такое сужденіе, какъ из-

---

¹⁾ Ibid. 17—21.

вѣстно, сопровождается всега легкимъ пожатіемъ плечъ, знакомъ добродушнаго сожалѣнія объ ограниченности славянофильской и нѣсколько гордою улыбкою, выраженіемъ внутренняго довольства своимъ собственнымъ просвѣщеніемъ и своею гуманностію“. Съ этимъ сужденіемъ можно было бы согласиться, если бы этому не препятствовали двѣ преграды: „факты и ихъ аналогія, разумъ и его законы“.

„До сихъ поръ, сколько ни было въ мірѣ замѣчательныхъ художественныхъ явленій, всѣ они носили явный отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ которыхъ возникли; всѣ они были полны тою жизнію, которая дала имъ начало и содержаніе. Египетъ и Индія, Эллада и Римъ, Италія, Испанія и Голландія, каждый изъ нихъ дали образовательнымъ художествамъ свой особый характеръ. Памятникъ въ глазахъ историка критика возстановляетъ исторію (разумѣется умственную, а не фактическую) исчезнушаго народа такъ же ясно, какъ и письменное свидѣтельство. Характеръ торговый, любовь къ роскоши, къ вещественному довольству, къ осязаемой природѣ и, такъ сказать, къ тѣлесности человѣческой, сближаютъ школу Венеціанскую съ Фламандскою, не смотря на различіе племенъ, вѣрованій и государственныхъ формъ, хотя и эти различія также ярко отпечатаны въ Рембрантѣ и Рубенсѣ, съ одной стороны, въ Тиціанѣ и Тинторетѣ, съ другой. Римское монашество и ужасъ инквизиціи запечатлѣны въ живописцахъ Испаній, не смотря на яркое солнце, которое сдѣлало ихъ колористами, и на чистыя начала христіанства, которымъ они не вполнѣ измѣняли, хотя и давали имъ тѣсное и одностороннее значеніе. Сухое протестантство, строгая дума, склонность къ анализу и въ то же время любовь къ явленіямъ земнымъ въ ихъ неблагороднѣйшей формѣ, могутъ быть легко замѣчены въ школѣ Нѣмецкой. Такія же явленія можно замѣтить и во всѣхъ школахъ; такія же явленія и во всѣхъ искусствахъ, будь они искусствами формы, звука

или слова. Выводъ одинъ и тотъ-же: вездѣ и во всѣ времена—искусства были народными“¹⁾.

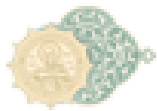
Особенно блестящимъ подтвержденіемъ этого вывода могутъ служить художественныя произведенія древнихъ Грековъ и Аравитянъ. „Высшее художественное явленіе Греческой и. можетъ быть, всемірной словесности—творенія, носящія имя Гомера, были пѣснью народною. Въ тѣсной области Аѳинъ вся безконечно богатая литература и чудная пластика были явленіемъ чисто народнымъ. Поэзія Аравитянъ принадлежитъ къ тому же разряду, и конечно ученая критика не скоро найдеть страну, которая превзошла бы красотой своего художественнаго развитія эти двѣ страны. Въ новѣйшія времена такія явленія не могли повторяться въ областяхъ, въ которыхъ все носило характеръ основного раздвоенія. За всѣмъ тѣмъ многія и даже лучшія художественныя явленія не подлежатъ мнимому закону, выдуманному досужею критикою. Такъ, напр., въ Италіи идетъ постоянный размѣнъ музыкальнаго вдохновенія между народомъ и маэстрами; такъ живопись Итальянская есть собственность столько же народа, понимающаго и глубоко чувствующаго ея красоту, сколько и высшихъ сословій; такъ поэма Тассо отчасти усвоена и принята Венеціанскими гондольерами; такъ въ Англіи Шекспиръ принадлежитъ почти всѣмъ сословіямъ, и Бернсъ есть поэтъ народный не потому, что изъ народа вышелъ, а потому, что принятъ народомъ, какъ свой“²⁾.

Эти и подобные имъ примѣры служатъ лучшимъ опроверженіемъ теоріи, которая въ просвѣщеніи, особенно же въ художествѣ. признаетъ необходимость двухъ эпохъ: „народной, безличной, и личной, отрѣшенной отъ народности“. Теорія эта свидѣтельствуетъ о непониманіи той тѣсной непосредственной связи, каковая существуетъ между личностью

---

¹⁾ Ibid. 74—75.

²⁾ Ibid 24—25.

художника и жизнью народа, которому онъ принадлежитъ. Не изъ ума одного возникаетъ искусство. Оно не есть произведеніе одинокой личности и ея эгоистической разсудочности. Въ немъ сосредоточивается и выражается полнота человеческой жизни съ ея просвѣщеніемъ волею, и вѣрованіемъ. Художникъ не творитъ собственною своею силою: духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому очевидно, что всякое художество должно быть и не можетъ не быть народнымъ. Оно есть цвѣтъ духа живого, восходящаго до сознанія или—образъ самосознающейся жизни. Конечно, повидимому, можно бы обойтись и безъ искусствъ: найдутся многіе, которые или не дорожатъ ими, или не видятъ въ нихъ никакой необходимости, хотя могутъ и умѣютъ ими наслаждаться по своему, какъ хорошимъ столомъ, устрицами и другими отрадами хорошаго комфорта. Эта черта (довольно общая во Франціи, всегда готовой возводить всякое ремесло до художества, потому что она всегда низводитъ художество до ремесла) не слишкомъ рѣдка и у насъ. Спорить не объ чемъ: всякій воленъ въ своихъ вкусахъ и желаніяхъ. Быть можетъ, жаль бы было лишить всякой художественной будущности народъ, который далъ такіе прекрасные задатки искусству въ звукъ и словъ и который даже въ живописи и зодчествѣ давалъ великія обѣщанія, понятныя всякому истинному художнику, изучавшему наши старыя иконы и строенія; но тутъ еще бѣда не велика. Важно то, что народъ, способный къ художествамъ, не можетъ лишиться иначе ихъ развитія, какъ утративъ цѣлостъ и здравіе своей внутренней жизни. Онъ обреченъ на безсиліе въ наукѣ такъ же, какъ и въ искусствѣ; ибо наука, какъ уже сказано было, тѣсно связана съ жизнью¹⁾.

„Часто приходится слышать и читать высокопарные возгласы о томъ, что наука вездѣ одна, такъ же, какъ истина,

¹⁾ Ibid. 75—76. См также 161: „личность въ художествѣ“.

и насмѣшки надъ тѣми, которые этого какъ будто не понимаютъ. Прекрасное одно, но выраженіе его различно по условіямъ мѣста и времени; точно то же должно сказать и о наукѣ въ отношеніи къ истинѣ. Истина есть или должно быть окончательнымъ выводомъ науки; но наука, положительная или историческая, не есть и не можетъ быть самою истиною, а только *путемъ къ достиженію ея*. Этотъ путь и его направленія зависятъ вполне, такъ же какъ выраженіе красоты, отъ мѣста и времени“.—Говорятъ, что „анализъ и его законы вездѣ одинаковы“.—Но, во-первыхъ, приложенія ихъ могутъ быть многоразличны; во-вторыхъ, анализъ существовать не можетъ безъ данныхъ, а данныя для него заключаются не въ самыхъ фактахъ, а въ *непосредственномъ знаніи* фактовъ. Это первое непосредственное знаніе опредѣляетъ почти во всѣхъ случаяхъ (за исключеніемъ, можетъ быть, одной математики) весь характеръ аналитическаго труда, который сверхъ того, какъ выше сказано, всегда сопровождается скрытымъ синтезомъ, вполне зависящимъ отъ внутренней жизни народовъ. Отъ того-то, хотя Италія сдѣлала много для науки, хотя не мало сдѣлала и Франція (особенно въ наукахъ опыта), хотя безконечны заслуги Англіи и Германіи; но во всѣхъ этихъ странахъ наука является съ инымъ значеніемъ, въ иномъ видѣ и съ своеобразнымъ характеромъ. Очевидно, не можетъ быть тождества между наукою въ Англіи,—странѣ, которая никогда не умѣла еще отдѣлять законовъ факта отъ его случайностей, и въ Германіи, которая довела себя до состоянія чисто-аналитической машины, утратившей всякое живое сознаніе фактовъ. Достиженіе истины сопряжено съ безконечными ошибками и заблужденіями, и нелѣпа была бы надежда народа, который бы обѣщалъ себѣ науку совершенно свободную отъ односторонности и отъ всякаго самообольщенія“. Эта истина, вѣрная въ отношеніи къ Западнымъ народамъ, вѣрна она и въ отношеніи къ намъ. Невѣроятно, „чтобы мы достигли до

полнаго и безошибочнаго знанія истины. Такими надеждами тѣшатъ себя и читателей только тѣ, которые предпочитаютъ тяжелому труду изысканій легкое и дешевое пользованіе трудами Запада и лѣнивое упованіе въ выводы, на которыхъ онъ остановился. Сомнѣніе потребовало бы повѣрки, повѣрка—труда: легче вѣрить. Но эти люди не принадлежатъ ни сколько наукѣ. Она для нихъ не доступна, какъ и самое художество, потому что она растетъ только на жизненномъ корнѣ живого человѣческаго общенія; а они отрицаютъ это общеніе, отрицая *живую личность народа, чрезъ которую единственно дѣлается намъ доступнымъ человѣчество: ибо помимо ея, человѣчество есть только идея отвлеченная или числительное скопленіе личностей*“¹⁾.

Не слѣдуетъ также забывать и того, что „наука раздѣляется на науку положительную и на науку догадочную или изученіе законовъ духа человѣческаго и его проявленій. Изучать законы своего духа можетъ человѣкъ только въ полнотѣ своей духовной, слѣдовательно личной и общественной жизни; ибо только въ этой полнотѣ можетъ онъ видѣть ихъ проявленіе. Итакъ вторая и, можетъ быть, важнѣйшая отрасль науки дѣлается почти невозможною при внутреннемъ раздвоеніи общественнаго просвѣщенія (т. е. при разрывѣ между обществомъ и народомъ). Сверхъ того, наука, въ своей, можетъ быть, подчиненной формѣ опыта или наблюденія, есть опять только плодъ стремленія духа человѣческаго къ знанію, плодъ жизни, отчасти созрѣвающей, слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ она требуетъ жизненной основы“²⁾.

Сказанное о наукѣ и искусствѣ съ такимъ же правомъ относится и къ быту, только здѣсь эта мысль выступаетъ яснѣе. Къ народному быту у насъ привыкли относиться легко, на томъ-де основаніи, что „онъ весь составленъ изъ

¹⁾ Ibid. 76—77.

²⁾ Ibid. 23.

мелочей, не имѣющихъ, повидимому, никакой важности“. Но при этомъ забывается, что „изъ мелочныхъ подробностей быта слагается громада обычая, единственная твердая опора народного и общественнаго устройства. Его важность еще недовольно оцѣнена. Обычай есть законъ; но онъ отличается отъ закона тѣмъ, что законъ является чѣмъ то внѣшнимъ, случайно примѣшивающимся къ жизни, а обычай является силою внутреннею, проникающею во всю жизнь народа, въ совѣсть и мысль всѣхъ его членовъ“. Будучи тѣсно связанъ съ жизнію народа, составляя его, такъ сказать, плоть и кровь, обычай есть лучший критерій для оцѣнки всякаго вновь вводимаго закона, и въ этомъ смыслѣ можно даже сказать, „что цѣль всякаго закона, его окончательное стремленіе есть — обратиться въ обычай, перейти въ кровь и плоть и не нуждаться уже въ письменныхъ документахъ“. Совѣмъ иное видимъ у насъ. Смѣло можно сказать, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ обычаевъ, ибо „нашъ вѣчно измѣняющійся бытъ даже не способенъ обратиться въ обычай. Прошедшаго для насъ нѣтъ, вчерашній день — старина, а недавнее время (писано въ 1849 г.) пудры, шитыхъ кафтановъ и фижмъ — едва ли уже не Египетская древность. Рѣдкая семья знаетъ что-нибудь про своего прапрадѣда, кромѣ того, что онъ былъ чѣмъ то въ родѣ дикаря въ глазахъ своихъ образованныхъ правнуковъ. У насъ есть юноши, недавно вышедшіе изъ школы, потомъ юноши, трудящіеся въ жизни, болѣе или менѣе, по своему школьному направленію, или по наитію современныхъ мыслей, потомъ есть юноши сѣдые, потомъ юноши дряхлые, а старцевъ у насъ нѣтъ. Старчество предполагаетъ преданіе, — не преданіе разсказа, а преданіе обычая. Мы всегда новенькіе съ иголочки; старина у народа. Это должно бы намъ внушить уваженіе; но у насъ не только нѣтъ обычая, не только нѣтъ быта, могущаго перейти въ обычай, но нѣтъ и уваженія къ нему. Всякая наша личная прихоть, а еще болѣе — всякая

полудѣтская мечта о какомъ нибудь улучшеніи, выдуманная нашимъ мелкимъ разсудкомъ, даютъ намъ право отстранять или нарушать всякій обычай народный, какой бы онъ ни былъ общій, какой бы онъ ни былъ древній¹⁾. Само собою разумѣется, что, при нашей страсти къ подражанію, отвергаемые народные обычаи обыкновенно замѣняются иноземными. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого подражанія чужимъ образцамъ, понятымъ въ видѣ готоваго результата, независимо отъ умственного историческаго движенія, которымъ они произведены, является *формализмъ*. „Тамъ, гдѣ общество раздвоилось, гдѣ жизненные силы приведены въ оцѣпенѣніе разрывомъ между жизнью и знаніемъ, и вѣчною, даже нескрытою, враждою самобытнаго начала и чужеземнаго наплыва,—тамъ духовныя побужденія теряютъ свое значеніе“ и мертвый и мертвящій формализмъ является естественнымъ ихъ замѣстителемъ. Формализмъ, разъ онъ утвердился въ жизни, „имѣетъ и долженъ имѣть постоянное притязаніе замѣнять собою всякую нравственную и духовную силу и находить всякій законъ, всякую охрану и даже всякое начало движенія въ голыхъ и вещественныхъ формулахъ, приложенныхъ къ вещественнымъ требованіямъ и побужденіямъ человѣческимъ. Жизненую гармонию замѣняетъ онъ, такъ сказать, полицейскою симметриею въ наукѣ, гдѣ онъ болѣе боится заблужденій, чѣмъ ищетъ истины; въ искусствѣ, гдѣ болѣе избѣгаетъ неправильности, почти всегда сопровождающей всякое гениальное явленіе, чѣмъ стремится къ красотѣ или къ облеченію внутренней красоты духовной въ формы, ею созданныя и ей соотвѣтствующія; въ бытѣ, гдѣ онъ вытѣсняетъ и замѣняетъ всякое теплое и свободное изліяніе души холоднымъ и мертвымъ призракомъ благочинія. Таковъ характеръ формализма. Таковъ онъ былъ въ схоластической философіи, оставившей слѣды свои въ новѣйшей Германской философіи, которую за всѣмъ тѣмъ, можно считать однимъ изъ величайшихъ явленій человѣче-

¹⁾ Ibid. 164—165.

скаго мышленія; таковъ онъ былъ въ такъ называемой классической литературѣ XVIII вѣка; таковъ въ пластическихъ художествахъ школы, славившихся еще недавно; таковъ въ обществахъ, сохраняющихъ слишкомъ строго формы, отъ которыхъ уже отлетѣлъ духъ, ихъ создавшій (какъ напр., въ Китаѣ и позднѣйшей Византіи), или въ обществахъ, не сознавшихъ своихъ собственныхъ духовныхъ началъ и принимающихъ извнѣ формы, созданныя другими началами“ и проч. У насъ блестящимъ примѣромъ господства мертваго и мертвящаго формализма служить фактъ непомѣрнаго развитія чиновничества,—явленіе слишкомъ извѣстное, чтобы на немъ слѣдовало останавливаться¹⁾).

Взглядъ Хомякова и его единомышленниковъ на значеніе народности встрѣчалъ въ свое время горячихъ противниковъ среди представителей анти-народнаго направленія. Споры велись и въ печати и еще больше въ кружковыхъ собраніяхъ. Чтобы не оставить ни одного возраженія не опровергнутымъ, ни одного недоразумѣнія не разъясненнымъ, Хомяковъ собралъ всѣ выдвинутыя противъ него положенія и подробно разобралъ ихъ въ „Разговоръ въ Подмосковной“ (1856 г.). Сочиненіе это не есть драматическое произведеніе: это дѣйствительно только *разговоръ*, представляющій обобщеніе тѣхъ нескончаемыхъ споровъ по данному вопросу, которые велись тогда въ Московскихъ салонахъ и главнымъ двигателемъ которыхъ былъ самъ Хомяковъ. Діалектическая форма избрана Хомяковымъ, очевидно, потому, что она больше всего способствуетъ ясности и точности постановки вопроса, давая въ то же время возможность со всею выпуклостію выдвигать и отмѣнять всѣ тонкости разбираемаго мнѣнія. Разговоръ ведутъ собственно два лица: *Запутинъ* (сбившійся съ пути)—представитель анти-народнаго, общечеловѣческаго направленія и *Тульневъ* (несомнѣнно самъ Хомяковъ—Тульскій помѣ-

¹⁾ Ibid. 61—63.

шинъ) — отстаивающий права народности. Два другія лица — дамы: Анна Оедоровна и Ольга Сергѣевна, — представляютъ, очевидно, то общество, среди котораго велись подобные споры. Споръ оканчивается въ пользу воззрѣній Тульнева, котораго дамы сначала не понимаютъ, а потомъ переходятъ на его сторону ¹⁾).

Сущность воззрѣній Запутина выражена имъ въ слѣдующемъ положеніи: „Дорого только общечеловѣческое — истина. Національное есть ограниченіе общечеловѣческаго, и разумный человѣкъ не можетъ и не долженъ искать ограниченности, когда можетъ владѣть полнотою интеллектуальной свободы. Таковъ девизъ образованныхъ Русскихъ людей“. *Испытывая крѣпость* этого положенія. Тульневъ подвергаетъ его анализу: „Народность тѣснѣ общечеловѣческой области; кто же объ этомъ спорить? Человѣкъ долженъ стараться приобрѣсти все общечеловѣческое, — опять никто не спорить. Слѣдовательно онъ долженъ освободиться отъ всего народнаго. Вотъ тутъ-го я вся завязка, и я говорю, что это *слѣдовательно* не слѣдуетъ и ни на чемъ не основано“, и вотъ почему. Въ данной постановкѣ вопроса. „сперва общечеловѣческое является, какъ *предметъ познания* и справедливо ставится выше частнаго народнаго; а потомъ вдругъ общечеловѣческое является, какъ противоположное народному въ *орудии познания*, въ умѣ человѣческомъ. Гдѣ же тутъ логика? Тутъ народное можетъ быть противопоставлено только личному, потому что мы познаемъ... личнымъ, а не общечеловѣческимъ, умомъ“. Конечно, мы познаемъ и не народнымъ умомъ. Но народное начало является въ данномъ случаѣ. „такъ первый воспитатель ума личнаго, и вопросъ долженъ быть поставленъ слѣдующимъ образомъ: народность

¹⁾ Ibid. 550 578 Въ интересахъ системы мы изложимъ сущность доводовъ Хомякова (Тульнева) въ пользу народности нѣсколько въ иномъ порядкѣ, чѣмъ это сдѣлано въ самомъ сочиненіи

служить-ли пособіемъ или дѣлается помѣхою личности при воспріятіи общечеловѣческаго?“ Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно. Нѣтъ сомнѣнія, что „хорошо было бы для насъ, если бы мы представляли въ себѣ чистый разумъ, отрѣшенный отъ всякой случайности. Тогда бы вѣчная истина всего сущаго и истина общечеловѣческая возсоздались бы въ нашемъ пониманіи, какъ въ великомъ зеркалѣ, достойномъ самой истины и способномъ отражать всѣ ея лучи во всей ихъ чистотѣ. Но мы не таковы. Каждый изъ насъ не что иное, какъ личность, охваченная тѣсною рамою своей случайной опредѣленности, зеркало мелкое и окрашенное краскою своихъ частныхъ способностей и склонностей... Умъ человѣческій, даже самый обширный, крайне ограниченъ и не можетъ надѣяться на безусловное постиженіе общечеловѣческой истины... Всѣ истины науки, за исключеніемъ дважды два четыре (гореніе есть соединеніе сгораемаго съ кислородомъ, и тому подобное) передаются намъ отъ другихъ людей въ формахъ, образахъ, выраженіяхъ, опредѣленныхъ тѣми народностями, къ которымъ эти люди принадлежатъ, и слѣдовательно каждая народность отражается въ насъ. Точно то же и съ нашею народностью. Но если мы даемъ ей тотъ вполнѣ свободный и естественный доступъ, на который она имѣетъ неоспоримое право, она, по самой полнотѣ и разнообразію своихъ прикосновеній къ нашему уму, захватываетъ его полнѣе и шире, чѣмъ другія. Что же? Это несчастіе? Это обиднѣніе? Очевидно нѣтъ. Мы ее познаемъ полнѣе, но изъ этого слѣдуетъ ли, чтобы мы другія понимали уже? Хорошо бы было, если бы и всѣ народности, то есть отраженіе общечеловѣческаго во всѣхъ народныхъ формахъ, было намъ также доступно; но это невозможно. Брошу ли я алмазъ потому только, что я всѣхъ алмазныхъ коней не могу перевести въ свою шкатулку? Это было бы безуміемъ“. Но посмотрите въ вопросъ глубже. „Многообразна жизнь человека въ народѣ; она свою долю общечеловѣческаго достоянія,

ею схваченную и выраженную въ словѣ и бытѣ, складываетъ въ стройное, живое и сочлененное цѣлое; и человѣкъ, принимая въ себя всю эту жизнь, кладетъ стройную и сочлененную основу своему собственному пониманію. Все остальное, переходя въ этотъ уже готовый организмъ, съ нимъ совоплощается, ассимилируется (если угодно), обогащаетъ его, но не дробитъ и не убиваетъ духа. То же самое въ жизни народной, принятое прямо отъ другихъ народовъ съ ихъ народными формами, дробится въ какую-то калейдоскопическую пестроту разнородныхъ началъ и никогда не складывается въ живое и полное цѣлое“. Вообще, „жизнь личная, отвлеченная отъ общесгва народнаго, сама по себѣ такъ скудна, такъ малообъемиста, что она не можетъ переработать въ одно цѣлое матеріалы, доставляемые ей великими личностями—народами. Ея критика есть критика случайнаго произвола, а не критика организма, отдѣляющаго пищу, ему естественную, изъ случайныхъ матеріаловъ, сообразно съ своими жизненными законами. Личный умъ человѣка складываетъ матеріалы, полученные отъ народовъ, въ какомъ-то библиотечномъ порядкѣ и самъ дробится по полкамъ своей собственной библіотеки на отдѣлы, скажемъ: Нѣмецкой философіи, Англійской общественности, Французскихъ полусочувствій съ человѣчествомъ и прочее, самъ бѣгаетъ по своей библіотекѣ и, не съютивъ въ себѣ ничего цѣльнаго, ничего не производитъ, да и по правдѣ сказать, ничего и не думаетъ. Думаніе требуетъ нѣкоторой цѣльности въ мыслящемъ существѣ. Своя народность замѣнилась не общечеловѣческимъ началомъ, а многонародностью Вавилонскою, и человѣкъ, не добившись невозможной чести быть человѣкомъ безусловно, дѣлается только иностранцемъ вообще, не только къ своему народу, но ко всякому другому и даже къ самому себѣ. Каждый отдѣлъ его мозга иностраненъ другому“¹⁾).

---

¹⁾ Сравни. т. I, стр. 188.

Но этого мало. „Ни одинъ изъ живыхъ народовъ не высказался вполне. Его печатное слово, его пройденная исторія выражаютъ только часть его существа; онѣ, если позволите такое слово, не адекватны ему. Невысказанное, невыраженное таится въ глубинѣ его существа и доступно только ему самому и лицамъ, вполне живущимъ его жизнью. Образованный иноземецъ, Французъ или Нѣмецъ, знаетъ все то, что мы знаемъ, то есть высказанное народами, то есть, ихъ неполное, неадекватное выраженіе, и сверхъ того знаетъ свой народъ вполне, внутреннюю свою жизнь; а мы знаемъ только неполное выраженіе всѣхъ народовъ и болѣе ничего. Очевидно, мы бѣднѣе всякаго образованнаго иноземца, и много бѣднѣе на все то количество мысли и жизни, которыя выскажутся въ будущей исторіи каждаго народа, а это безконечно много. Вотъ отъ чего мы такъ слабы умственно; вотъ отъ чего мы принуждены быть прихвостнями Европейской мысли“. Здѣсь же лежитъ и причина того, почему мы въ такой ничтожной мѣрѣ содѣйствуемъ общему ходу ума человѣческаго. И „если наше просвѣщеніе не освободится, то мы останемся все таки дармоедами чужихъ трудовъ, безполезными для человѣчества“ ¹⁾.

Обыкновенно говорятъ, что „мы не доучились и слѣдовательно не можемъ еще подавать науку впередъ. Прежде чѣмъ другихъ поведешь, надо ихъ догнать. Надобно знать не зада только, а идти въ уровень съ современною наукою“. — Но что значитъ догнать современную науку? „Догнать современную науку, которая съ каждымъ днемъ сама подается впередъ?... Кто въ уровень съ современною наукою? Такого челоѣка нѣтъ и быть не можетъ на землѣ. Всѣ ученые—ученики другъ у друга постоянно, и по тому самому сотрудники, и всякій идетъ своимъ путемъ. Только мы одни своего

¹⁾ Последняя точка взята изъ письма Хомякова къ Веневитинову. Барсуковъ. Ж и Тр. Погодина, кн. VП, 404.

пути не пролагаемъ. Мы всегда догоняемъ и никогда не догонимъ просто потому. что всегда ступаемъ въ чужой слѣдъ“: а почему мы такъ поступаемъ, это понять не трудно. „Другіе имѣютъ внутреннюю цѣльность, а мы нѣтъ. Другіе знаютъ внѣшнимъ образомъ явленіе чуженародныхъ мыслей, а свою народную жизнь знаютъ знаніемъ живымъ и внутреннимъ; а мы и себя, какъ и другихъ, знаемъ только скуднымъ знаніемъ внѣшнимъ. Слѣдовательно они безконечно богаче насъ умственною силою. а мы не хотимъ искать въ себѣ того богатства. которое насъ бы разомъ поравняло съ ними и вѣроятно выдвинуло бы насъ еще далеко впередъ“.

Но что значить идти *своимъ путемъ* въ дѣлѣ научнаго развитія? Это прежде всего не значить, что будто бы Русскій народъ долженъ имѣть свою ариметику или свою астрономію. Предлагаемое требованіе, какъ уже замѣчено было. „не можетъ касаться тѣхъ наукъ, которыхъ предметъ есть простое изученіе внѣшнихъ законовъ, и относится во всякомъ случаѣ къ тѣмъ наукамъ, которыхъ предметъ связанъ съ нравственными и духовными стремленіями человѣка“ и которыя мы раньше называли „догадочными“. Вотъ по отношенію къ этого рода наукамъ самобытность пути не только возможна, но и необходима. „Всякая истина многосторонни и ни одному народу не дается ее осмотрѣть со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ ея отношеніяхъ къ другимъ истинамъ. Иная сторона или отношеніе иному народу не доступны по его умственнымъ способностямъ, или не привлекаютъ его вниманія. по его душевнымъ склонностямъ“. Говоримъ: народу, а не лицу: ибо лице всегда находится въ связи съ своимъ народомъ и внѣ этой связи. какъ это уже раньше показано было, безплодно. „Такова тайна исторической судьбы, еще не вполне разгаданная, но несомнѣнная въ своемъ проявленіи: *Общечеловѣческое дѣло раздѣлено не по лицамъ, а народа.мъ*: каждому своя заслуга передъ всѣми. и частный человѣкъ только разрабатываетъ свою дѣлянку въ великой

долѣ своего народа“. Прекраснымъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить Германская философія. Для всякаго очевидно, что если бы Французское направленіе высшаго общества въ Германіи отстоялось, то тамъ невозможно было бы появленіе ни Шеллинга, ни Гегеля. Съ другой стороны неспособность понять и оцѣнить значеніе этихъ мыслителей со стороны Французовъ и Англичанъ показываетъ, что ни Французъ, ни Англичанинъ подобной системы создать не могли. А между тѣмъ философская истина одна, какъ и всякая другая истина. Конечно, не всѣ науки такъ многосложны, какъ философія и поэтому не всѣ въ одинаковой степени допускаютъ такое различіе воззрѣній. Но говоря вообще, „нѣтъ почти ни одной науки, которая была бы такъ одностороння, чтобы не допускала множества различныхъ взглядовъ“. Это различіе въ значительной степени возможно даже и въ области такъ называемыхъ точныхъ наукъ. Развѣ теорія волнъ въ физикѣ и теорія атомовъ въ химіи не носятъ особенныхъ характеровъ? Развѣ онѣ не указываютъ на различія народовъ? Развѣ Эйлеръ не долженъ былъ быть Нѣмцемъ, а Дальтонъ не долженъ былъ быть Англичаниномъ? Вообще, если внимательнѣе присмотрѣться къ дѣлу, то придется признать не то только, что народное воззрѣніе возможно почти во всѣхъ наукахъ, но и то, что „никакое другое воззрѣніе невозможно, а возможна только безнародная слѣпота (что нами и доказывается постоянно съ успѣхомъ). Вѣдь и слѣпой можетъ рассказывать со словъ зрячаго, что тотъ видѣлъ; но вскушайтесь, и вы сейчасъ замѣтите, что человѣкъ не свое пересказываетъ, а чужое“. Какъ не можетъ человѣкъ на міръ Божій смотрѣть чужими глазами, такъ точно не можетъ онъ и познавать этотъ міръ чужимъ познаніемъ, чужою мыслію. То же слѣдуетъ сказать и о цѣломъ народѣ. Человѣкъ, отрекающійся отъ своей народности, не можетъ сдѣлаться обще-человѣкомъ, ибо обще-человѣка нѣтъ на свѣтѣ; онъ можетъ или перейти въ другую народность, т. е. сдѣ-

латься Французомъ, Нѣмцемъ, Англичаниномъ и пр.. или стать, такъ сказать, обезьяной, т. е. стать существомъ, способнымъ только къ подражанію и неспособнымъ къ оригинальной творческой дѣятельности. Первое предполагаетъ полное перерожденіе человѣка, и потому совершается не легко; второе достигается гораздо легче, какъ это свидѣтельствуемъ наше обезьянничанье предъ Европой. За то и слѣды нашего европеизма на лицо: нельзя указать ни одной теоріи, ни одной мысли, ни одного отрывка ученія, которымъ мы обогатили бы Европейскую образованность; мы, какъ сказано было, не могли выдумать и порядочной мышеловки.

Сторонники анти-народнаго направленія жизни любятъ упрекать своихъ противниковъ тѣмъ, что будто бы послѣдніе предлагаютъ намъ Русскимъ „искоренить изъ своей души наше сочувствіе ко всему человѣческому, нашу любовь къ человечеству вообще, все то, чѣмъ еще живетъ въ насъ стремленіе къ прогрессу, нашу радость при успѣхахъ другихъ народовъ, наше горе при ихъ горѣ“ и т. д. Эта жалоба напоминаетъ слѣдующій „довольно забавный отвѣтъ одного безстыднаго гуляки. Жена у него была въ загонѣ; дѣти безъ призора, ну и домъ въ томъ видѣ, какой можете вообразить. Ему (sic) старый дядя попрекалъ за такое нерадѣніе и прибавилъ: „ты своихъ дѣтей не любишь. — Чтожь дѣлать дядюшка, я берегу свою любовь для рода человѣческаго“. Какъ вы думаете? Менѣе бы онъ любилъ родъ человѣческій, если бы побольше любилъ жену и дѣтей“? Все недомысліе анти-народниковъ въ данномъ случаѣ вытекаетъ изъ непониманія той истины, что *любовь есть чувство живое по преимуществу; она есть самая жизнь*. Нельзя говорить о любви къ отвлеченностямъ, „о любви къ Готтентотамъ или Сѣверо-Американцамъ, когда нѣтъ любви искренней и сердечной къ ближайшему ближнему, той любви, въ которой нѣтъ снисходительности, но которая вся есть любящее смиреніе“.

Анти-народники на это обыкновенно возражаютъ: „Тѣсень объемъ вами проповѣдываемой любви, шире наши сочувствія, наши требованія ненасытимѣе. Да, вы любите старину, вы любите обычаи, обряды, такъ сказать, фizioномію частной жизни, которая васъ окружаетъ. Мы любимъ прогрессъ, мы любимъ будущее, мы любимъ человѣчество“. Такая постановка вопроса есть плодъ или непониманія или даже проще—лицемѣрія. И въ самомъ дѣлѣ, „что бы вы сказали, говорить Хомяковъ, если бы кто горевалъ о томъ, что тифусъ свирѣпствуетъ на Юпитерѣ, ну, или хоть, въ Калифорніи. а не заболѣлъ, не мрутъ-ли дѣти корью въ его деревнѣ? Видите: любви не довольствуется отвлеченностями, призраками, родовыми названіями, географическими или политическими опредѣленіями: она жива и любитъ живое, сущее. Не говорите ей о будущемъ селянинѣ, усовершенствованномъ по послѣднему рецепту заморскаго мыслителя: это былъ бы только вкусъ, и не болѣе. Говорите о мужикѣ въ его курной избѣ, въ его красной рубахѣ, съ его, можетъ быть и неусовершенствованною, сохою. Вотъ тутъ она себя узнаетъ, тутъ любовь. *Поймите меня: я беру черныя Русскія, но говорю о всякой землѣ.* Любовь проситъ сближенія, общенія, раздѣла чувствъ и мысли, однимъ словомъ она не гуляетъ иностранкою въ своемъ собственномъ народѣ“. Это конечно не значитъ, что любовь къ народу исключаетъ любовь къ человѣчеству; утверждать это значило бы впасть въ другую крайность; но путь любви къ человѣчеству идетъ чрезъ любовь къ народу, равно какъ путь любви къ народу идетъ чрезъ любовь къ человѣку. До любви къ общечеловѣческому братству человѣкъ доходитъ посредствомъ тѣсной связи съ ближайшимъ братствомъ. „Не вѣрю я, говоритъ Хомяковъ, любви къ народу того, кто чуждъ семьѣ, и нѣтъ любви къ человѣчеству въ томъ, кто чуждъ своему народу. А душа не мозаика и не дорожный ящикъ съ перегородками. Въ ней всѣ силы находятся въ связи и зависимости другъ

отъ друга. Только въ любви жизнь, огонь, энергія самого ума. Она даетъ ему побужденія къ дѣятельности и труду, крѣпость въ преодоленіи пренонъ, проницательность и объемъ его взглядамъ, она созидаетъ человѣка; а только человѣкъ и понимаетъ все человѣческое. Сама же она требуетъ для себя сочувствія, общенія и, слѣдовательно, погруженія въ жизнь своего народа“.. Изъ сказаннаго видно, что народность не только даетъ „нашему уму матеріалъ самой мысли, посредствомъ котораго человѣкъ можетъ поровняться съ людьми, принадлежащими другой народности; а сверхъ того ясно, что она одна только воспитываетъ и силу для этого соперничества“. Опасеніе за то, что народностью могутъ быть служены и стѣснены предѣлы народной жизни и народныхъ возрѣній, что она можетъ полагать границы простору гениальныхъ натуръ, совершенно неосновательно уже въ виду того одного, что въ этихъ границахъ „умѣстились и Гомеръ, и Данте, и Шекспиръ, чистѣйшіе представители своей народности“. Ясно, что народность не опредѣляетъ границъ частному и его стремленіямъ. Будучи лучшимъ воспитателемъ личному пониманію, „она служить единственною основою всего его развитія, она одна можетъ быть для него источникомъ силы и силы плодотворной; но изъ этого слѣдуетъ ли, что она должна держать его въ пеленкахъ? Она есть начало общечеловѣческое, облеченное въ живыя формы народа. Съ одной стороны, какъ общечеловѣческое, она собою богатитъ все человѣчество, выражаясь то въ Фидіѣ и Платонѣ, то въ Рафаэлѣ и Вико; съ другой стороны, какъ живое, а не отвлеченное проявленіе человѣчества, она живетъ и строитъ умъ человѣка. Въ то же время она, по своему общечеловѣческому началу, въ себя принимаетъ все человѣческое, отстраняя чуженародное своею неподкупною критикою, тогда какъ отдѣльному лицу нельзя не поддаваться самымъ формамъ чуженародности и не сличивать ихъ съ той общечеловѣческою сти-

хией, которая въ нихъ таится; но человѣкъ, воспитанный въ народности, растетъ и крѣпнѣтъ, разумно богатится всѣмъ богатствомъ человѣческаго мышленія, законно расширяетъ ея прежніе предѣлы, а иногда доходитъ до законнаго отрѣшенія отъ ея ненужныхъ случайностей. Впрочемъ такое отрѣшеніе всегда опасно, даже когда оно является какъ сознательное отрицаніе; оно бессмысленно и убійственно, когда является, какъ дѣло невѣжества“.

Изъ сказаннаго ясно, что *„служеніе народности есть въ высшей степені служеніе дѣлу общечеловѣческому. Конечно, были особенные случаи, въ которыхъ человѣкъ возвышался до служенія общечеловѣческой, божественной правды, помимо народа своего. Но къ чему о нихъ говорить? Или лучше: имѣемъ-ли мы право о нихъ говорить? Гдѣ та общечеловѣческая мысль, которой мы служимъ? Гдѣ это высокое поприще? Побережемъ-те великія слова для великихъ дѣлъ, и особенно не забудемъ одного обстоятельства: чѣмъ болѣе человѣкъ становится слугою человѣческой истины, тѣмъ дороже ему его народъ. Тотъ, кто себя всего посвятилъ высочайшему изъ всѣхъ служеній, кто болѣе всѣхъ отвергъ отъ себя тѣсноту своего народа, сказалъ: „Я хотѣлъ бы самъ лишиться Христа, только бы братья мои по крови къ Нему пришли“.* Никто не произноситъ никогда слова любви пламеннѣе этого слова. Но дѣло наше не исканіе цѣли для дѣятельности человѣческой, а опредѣленіе того, что нужно, чтобы человѣку быть дѣйствительно способнымъ къ какой нибудь дѣятельности. Безъ народности человѣкъ умственно бѣднѣе всѣхъ людей, и сверхъ того онъ мертвѣе всѣхъ людей“... Вообще, „за страннымъ призракомъ погнались у насъ многіе. Общевропейское, общечеловѣческое!... Но оно нигдѣ не является въ отвлеченномъ видѣ. Вездѣ все живо, все народно. А думаютъ же иные себя обезнародить и уйти въ какую то чистую, высокую сферу. Разумѣется, имъ удастся только уморить свою жизненность и, въ этомъ мертвомъ

видѣ. не взлетѣть въ высоту, а. такъ сказать, повиснуть въ пустотѣ“ ¹⁾).

Послѣ всѣхъ этихъ разъясненій уже не трудно точно опредѣлить взаимное отношеніе народнаго и общечеловѣческаго элементовъ въ дѣлѣ просвѣщенія какъ отдѣльнаго человека, такъ и цѣлаго народа. *„Разумное развитіе отдѣльнаго человека есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ са.поль корни народнаго бытія“* ²⁾).

Какіе же изъ всего сказаннаго вытекаютъ практическіе выводы? Прежде всего несомнѣнно то, что общечеловѣческаго въ дѣйствительной жизни нѣтъ: оно существуетъ только въ идеѣ, въ отвлеченіи; въ дѣйствительной жизни общечеловѣческое всегда является облеченнымъ въ народныя формы. Въ этомъ смыслѣ Западно-европейское просвѣщеніе является такимъ же народнымъ, какъ и просвѣщеніе Русское, древне-Греческое, древне-Римское и т. д. Поэтому отреченіе народа отъ своего просвѣщенія въ пользу просвѣщенія чуженароднаго есть въ сущности стремленіе одной народности перейти въ другую путемъ ассимилированія съ нею. Для народностей мелкихъ это возможно; но для народностей крупныхъ, успѣвшихъ къ тому же проявить свои богатые стихійныя силы въ исторіи, это положительно невозможно. Отдѣльныя личности, или отдѣльный классъ народа, могутъ отрываться отъ народнаго организма, но они неизбѣжно должны подвергнуться дѣйствію того же закона, который проявляется и при отсѣченіи вѣтвей отъ ствола дерева: они обречены на мертвенность и бесплодность.—Одинъ народъ

¹⁾ Пол. собр. сочин., т. I, 566—578.

²⁾ Ibid. 632.

можетъ и долженъ учиться у другого народа, но не путемъ механическаго подражанія. а путемъ *воспріятія чужеземнаго въ жизненное единство своей народности*; ибо учене не есть подражаніе, какъ это утверждаютъ сторонники слѣпонаго подражанія¹⁾; оно есть „*пробужденное самосмысленіе*“²⁾. Знаніе, выработанное другою народностью, принятое въ жизненное единство своей народности, „*принесетъ богатые и новыя плоды въ художествѣ, въ наукахъ и въ бытѣ*“³⁾; но эти плоды должны быть результатомъ творческой самодѣтельности народнаго духа, самобытно перерабатывающаго воспріятое извнѣ знаніе. Отсюда вытекаетъ правило, обязательное для Русскаго челоѣка. Русскому челоѣку, если онъ не хочетъ оставаться въ своей узкой замкнутости и національной ограниченности, необходимо *воспріять весь міръ Европейской мысли*; но въ то же время „ему необходимо оторваться отъ него, чтобы *достигнуть творчества и сдѣлаться дѣятелемъ свободнымъ*“⁴⁾. „Общество, убѣдившееся въ своей умственной слабости и въ томъ, что ему предстоитъ въ жизни одинъ только трудъ—перенимать то, что выдуманно другими, болѣе разумными обществами, отвыкаетъ отъ мысленнаго напряженія и нескоро возвращается къ благородной, но нѣсколько утомительной работѣ мысли. *Думать, думать!*“! вотъ что необходимо напоминать нашему обществу, выработавшему сладкую привычку къ бездумному пользованію чужимъ трудомъ; ибо только путемъ напряженія собственной мысли можно пріобрѣсти ту *свободу*, безъ которой творческая самодѣтельность въ области умственной жизни невозможна⁵⁾.

---

¹⁾ Ibid. 619. Здѣсь Хомяковъ разбираетъ положеніе С. М. Соловьева: „учене есть не что иное, какъ подражаніе“.

²⁾ Ibid. 629.

³⁾ Ibid. 85

⁴⁾ Ibid. 706.

⁵⁾ Ibid. 671—675.

То, что сказано относительно теоретическаго развитія мысли, съ одинаковымъ правомъ относится и къ области практическаго примѣненія ея въ сферѣ народнаго быта, понимаемаго въ широкомъ смыслѣ слова. Тонкія, невидимыя струны, связывающія душу Русскаго человѣка съ его землею и народомъ, не подлежатъ разсудочному анализу. Можетъ быть, нельзя доказать, чтобы Русская пѣсня была лучше Итальянской баркароллы или тарантеллы; но она иначе отзывается въ Русскомъ ухѣ, глубже потрясаетъ Русское сердце. Точно также для Русскаго глаза особенно пріятны образы, окружавшіе его дѣтство и встрѣчавшіе его взглядъ на свободѣ сельскаго простора“. Вотъ почему, *„нападеніе на Русское платье есть нападеніе на свободу вкуса и чувства, нисколько не посягающую на чужой вкусъ и чужое чувство; оно будетъ разумно только тогда, когда будетъ доказано, что фракъ разумнѣе или удобнѣе зипуна, или когда художники произнесутъ приговоръ о сравнительномъ изяществѣ народовъ. До тѣхъ поръ отверженіе одежды только потому, что она русская одежда, должно казаться нѣсколько страннымъ, чтобы не сказать—нѣсколько оскорбительнымъ“*¹⁾.

Итакъ, что же дѣлать Русскому человѣку въ настоящемъ его состояніи? Прежде всего отказаться отъ *слишной подражательности* и съ *критическою разборчивостію* относиться къ плодамъ иноземнаго просвѣщенія, иноземной культуры. Но при этомъ необходимо помнить, что *„стремленіе, отрицающее подражательность нашей образованности, не есть стремленіе къ мертвому и телному невѣжеству, но къ наукѣ живой, къ внутреннему освобожденію ея отъ ложныхъ системъ и ложныхъ данныхъ и къ соединенію ея съ жизнію, т. е. къ созданію просвѣщенія“*²⁾. Освободившись отъ болѣзни подражанія, Русскіе люди вмѣстѣ съ

¹⁾ Ibid. 100.²⁾ Ibid. 66--69.

тѣмъ должны возвратиться на путь здраваго *самобытнаго развитія*. Но при этомъ опять таки необходимо выкинуть изъ головы ту нелѣпую мысль, что люди, проповѣдующіе самобытность, мечтаютъ будто бы о „возвращеніи къ старинѣ“.— „Одно дѣло совѣтовать, чтобы корней не отрубать отъ дерева и чтобы залѣчить неосторожно сдѣланные нарубы, и другое дѣло оставить только корни и, такъ сказать, снова вколотить дерево въ землю“. Въ эпоху нашей рабской подражательности мы сбились съ нашей исторической дороги. А „если съ дороги сбились, первая задача—воротиться на дорогу ¹⁾. Но что значитъ возвратиться на дорогу и какъ это сдѣлать?—*Воскресить въ сердцахъ бывшее и допросить глубокоскрытаго въ чель духа жизни...* А этого можно достигнуть только путемъ возстановленія порванной связи съ народомъ. Но возстановить связь съ народомъ это не значитъ опуститься до его умственного неумѣнья, до его нравственного огрубенія. Такое требованіе нелѣпо уже по тому одному, что оно неосуществимо. Но въ то же время возстановленія связи съ народомъ нельзя понимать и въ смыслѣ воспитанія народа въ духѣ просвѣщенія нашего образованнаго общества. Допущеніе такого пониманія невозможно потому, что, при постоянномъ измѣненіи убѣжденій нашего общества, трудно было бы рѣшить, въ какихъ именно идеяхъ слѣдуетъ воспитывать народъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли наше общество мечтать о воспитаніи народа тогда, „когда оно само, лишенное всякаго внутренняго убѣжденія, мѣняло и мѣняетъ безпрестанно свое собственное воспитаніе, и когда едва ли не всякое десятилѣтіе могло бы благодарить Бога, что десятилѣтію протекшему не удалось никого воспитать“ ²⁾. Возстановить связь съ народомъ или что то же: „*принадлежать народу значитъ съ*

¹⁾ Русск. Арх. 1884 г., кн. 2, 263—264.

²⁾ П. С. Соч. т. I, *ibid.* 60.

полною и разумною волею созавать и любить нравственный и духовный законъ, проявившійся (хотя разумѣется не сполна) въ его историческомъ развитіи“¹⁾. Именно—законъ, а не форму, ибо форма есть лишь внѣшнее проявленіе закона; хотя вслѣдствіе такой тѣсной связи между закономъ и формою и послѣднюю пренебрегать нельзя. Нужно только помнить, что законъ вѣченъ, а форма можетъ исторически измѣняться. Нѣтъ напр., нужды требовать, чтобы зипунъ XIX вѣка былъ точной копіей зипуна XVI или XVII в.в. Согласно измѣнившемуся вкусу, его можно сдѣлать шире или уже, длиннѣе или короче, украсить его добавленіями и т. д.; не нужно только уродовать его, положимъ, до формы фрака, который, не имѣя ничего общаго съ русской одеждой, представляется страннымъ и смѣшнымъ съ точки зрѣнія русскаго народнаго вкуса. Этотъ мелкій примѣръ наглядно показываетъ, что значить „воротиться на дорогу“; это значеніе воротиться не къ старымъ мертвымъ формамъ, а къ тому духу, который создалъ эти формы и который вытравленъ въ эпоху нашей погони за иноземщиной. Затѣмъ понятно также, почему непременно нужно *полюбить* этотъ духъ, а не просто снисходительно низойти къ нему; ибо только при искренней любви къ народу и руководящему его жизни закону уродливый до неприличія фракъ перестанетъ казаться изящнѣе и удобнѣе скромнаго, удобнаго и совершенно приличнаго зипуна, бритые бороды перестанетъ казаться культурнѣе хожденія въ бородѣ, русская рубаха перестанетъ казаться принадлежностью костюма только грубаго мужика, а женскій кокошникъ перестанетъ быть уборомъ, пригоднымъ только для маскарада и т. д. Замѣтьте, что любовь и уваженіе къ формамъ народнаго быта, повлечетъ за собою приложеніе къ ихъ совершенствованію того знанія, которымъ обладаетъ культурный слой общества, а

---

¹⁾ Ibid. 9.

вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой области начнется развитіе, искусственно пріостановленное нашимъ европейничаньемъ.

Вообще, общеніе съ народомъ, какъ и всякое вообще человѣческое общеніе, „заключается не въ простомъ размѣнѣ понятій, не въ холодномъ и не въ эгоистическомъ размѣнѣ услугъ, не въ сухомъ уваженіи къ чужому праву. всегда оговаривающемъ уваженіе къ своимъ собственнымъ правамъ, но въ *живомъ размѣнѣ не понятій однихъ, но чувствъ, въ общеніи воли, въ раздѣленіи не только горя (ибо состраданіе чувство слишкомъ обыкновенное), но и радости жизненной.* Только такого рода общеніе можетъ возвратить насъ къ началамъ жизни, нами утраченной, и привести насъ изъ состоянія безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности къ полному участію въ особенностяхъ, характерѣ и фізіономіи народа. Наши школьническія полузнанія развились бы до науки и развили бы науку (особенно гуманитарную), внеся въ нее великія и до сихъ поръ ей чуждыя начала, отличающія насъ отъ Западнаго міра съ его латино-протестантскою односторонностью, съ его историческимъ раздвоеніемъ. Въ нашемъ бытѣ отозвалось бы то единство, которое лежало искони въ понятіи Славянской общины и которое заключается не въ идеѣ дружиннаго договора Германскаго или формальнаго пр аза Римскаго (т. е. правды внѣшней), но въ понятіи естественнаго и нравственнаго братства и внутренней правды. Въ художествѣ наступила бы новая эпоха, и оно перестало бы влачиться безсильно по стезѣ рабскаго подражанія, а стало бы выражать свободно и искренно (посредствомъ звука, или слова, или формы) идеалы красоты, таящіеся въ душѣ народной; ибо корень искусства есть любовь, формальное же изученіе его есть не что иное, какъ пріобрѣтеніе матеріальныхъ средствъ для успѣшнѣйшаго выраженія любимаго идеала; но безъ этого идеала и безъ любви къ нему искусство есть только ремесло. Профессоръ можетъ сказать ученику или богачъ сво-

ему подрядчику: „напиши побѣду Александра Невскаго надъ Шведами“, и ученикъ или подрядчикъ напишетъ русаго молодца въ завиткахъ, который бьетъ и рубить болѣе или менѣе рыжихъ или русыхъ молодцовъ. Онъ можетъ сказать: „напиши побѣду Пожарскаго надъ Литвою“, и опять ученикъ или подрядчикъ напишетъ такого же русаго молодца въ завиткахъ, который бьетъ или рубить болѣе или менѣе русыхъ или черноволосыхъ молодцовъ; но во всемъ этомъ нѣтъ и признака художества. ото всего этого вѣетъ могильнымъ холодомъ. Только въ живомъ общеніи народа могутъ проясниться его любимые идеалы и выразиться въ образахъ и формахъ, имъ соотвѣтственныхъ: но для того, чтобы оживилась наука, бытъ и художество, чтобы изъ соединенія знанія и жизни возникло просвѣщеніе, мы должны, сознавая собственное свое безсиліе и собственныя нужды, слиться съ жизнію Русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая и, такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ *средство* къ достиженію единства *истиннаго*. — и еще болѣе, какъ видимымъ его образомъ“¹⁾).

Нѣкоторые изъ современниковъ Хомякова самые толки и споры о народности находили лишними: народность крѣпкая, говорили они, не требуетъ подпоры, а слабой не подопрешь, и кокетничать съ нею не для чего. Къ чему же о ней и толковать? Пустите ее на волю судьбы и собственной силы. Есть въ ней что добраго и здороваго, оно само скажется, и скажется тѣмъ естественнѣе и сильнѣе, чѣмъ менѣе вы будете съ нею *нянчиться и носиться*, какъ съ хилымъ ребенкомъ“²⁾).

¹⁾ Ibid. 98—100.

²⁾ Такъ резюмируетъ *Запутанъ* одно изъ возраженій „Московск. Вѣдом.“, направленное противъ „Предисловія къ Русской Бесѣдѣ“, писаннаго Хомяковымъ и помѣщеннаго въ первой книгѣ этого журнала (1856 г.) отъ имени редакціи. Ibid. 554.

Отвѣчая на это возраженіе отъ имени своей школы, Хомяковъ оправдывалъ законность толковъ и споровъ о народности слѣдующими данными и соображеніями. „Не мы (славянофилы), говоритъ онъ, начали: уже Ломоносовъ, лучший и ревностнѣйшій труженикъ Русскаго просвѣщенія, горячій и почтительный ученикъ Западной науки, чувствовалъ права народности и не мало за нее спорилъ, и съ той самой поры споръ не прекращался. Видъ спора мѣнялся, вопросы ставились новые, взглядъ расширялся и уяснялся: но одно и то же дѣло продолжалось до нашего времени“ ¹⁾. Эта непрекращаемость, такъ сказать, споровъ о народности и живой интересъ, какой они вызываютъ въ обществѣ, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что они законны и умѣстны, по пословицѣ: „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“. „Да мы больны своею искусственною безнародностью, и если бы не были больны, то и толковать бы не стали о необходимости народности... Ни въ Англіи, ни въ Франціи не думаютъ о народности, потому что тамъ нѣтъ чужихъ стихій; а у насъ думаютъ, потому что онѣ есть. И въ современной Германіи уже не толкуютъ о народности, потому что тамъ успѣли освободиться отъ рабскаго подражанія иноземцамъ: но было время, когда и въ Германіи этотъ вопросъ былъ жизненнымъ вопросомъ и тогда о немъ много толковали. Извѣстно, „что отъ Клоштокъ до Фихте и Шиллера включительно шла въ Германіи борьба. и борьба упорная; что тогда

---

¹⁾ Между слѣдующими сторонниками славянофильства Хомяковъ не стѣсняется упомянуть и Шишкова съ его „борьбою“ съ Карамзинимъ. При этомъ онъ признаетъ, что „какъ ни темны еще были его (Шишкова) понятія, какъ ни тѣсны кругъ его требованій, онъ много принесъ пользы и много кинулъ добрыхъ сѣмянъ. Правда, почти всѣ литераторы той эпохи, всѣ двигатели ея были на сторонѣ Карамзина; но не забудьте, что Грибоѣдовъ считалъ себя ученикомъ Шишкова, что Гоголь и Пушкинъ цѣнили его заслуги, что самъ Карамзинъ отдалъ ему впоследствии справедливость, и что самый Русскій по языку изъ всѣхъ Русскихъ прозаиковъ (авторъ „Семейной Хроникѣ“) вышелъ по собственному признанію, изъ школы Шишкова“. Ibid. 554—560.

тамъ отстаивали и отстояли народность, не въ жизни политической только, а въ жизни художествъ и быта; что торжество было не совсѣмъ легко и что самъ Фридрихъ былъ полу-Французъ и презиралъ Германію“. Но вотъ торжество одержано. И что же? „Германія награждена тѣмъ, что, когда она возвратилась къ самопознанію и самоуваженію, она принесла изъ эпохи своего самоуничиженія способность понимать другіе народы гораздо лучше, чѣмъ Французъ, Англичанинъ или Итальянецъ. Она почти открыла Шекспира. Мы также отъ себя отрекались, унижались болѣе, чѣмъ Германія, во сто разъ болѣе“, и можно надѣяться, что „когда мы возвратимся домой, а мы возвратимся—и скоро—мы принесемъ съ собою такое ясное пониманіе всего міра, которое и не сниться самымъ Нѣмцамъ“.

Впрочемъ, нѣтъ нужды заботы о народности мотивировать исключительно утилитарными соображеніями. Забота о народности есть „простое и естественное выраженіе любви къ мысли и къ людямъ“, хотя примѣръ Германіи показываетъ, что эта забота не бесполезна, даже въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что народность восторжествуетъ своими собственными силами. Въ сущности „никому изъ насъ не входитъ въ голову ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ окончательнаго торжества народности; но каждый часъ дорогъ: въ каждый часъ погибають слѣды, дорогіе слѣды прежней жизни, завѣты прекрасной старины. Сознай мы ея достоинство тому лѣтъ сто раньше, и сколько спасли бы мы любопытныхъ преданій, затѣйливыхъ сказокъ, чудныхъ пѣсень, которыя теперь утратились“, и которыя могли бы радовать и поучать не насъ однихъ...

Изъ сказаннаго ясно, что всѣ эти толки о народности имѣють одну цѣль: „цѣль педагогическую“. Людей безнародныхъ необходимо предостеречь отъ гибельнаго подражанія.

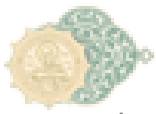
„Нѣсколько поколѣній блуждали въ пустынь: зачѣмъ же и другимъ также безплодно томиться?“¹⁾

Итакъ, пора положить конецъ этому вѣковому блужданію, этому безплодному томленью. Конечно, это сдѣлать не-легко. „Страшно подумать, что надобно поворотить и откуда! Какой пропѣть канонъ покаянія, какое нужно упорство воли. строгость занятій, жаръ любви, и какъ мы все привыкли жить, какъ живетъ“²⁾. Тѣмъ не менѣе начинать нужно; а откуда начинать, это понять не трудно. Наше блужданіе началось глубокимъ *солитніемъ* оторванного отъ народа общества въ „самомъ себѣ и въ землѣ, отъ которой оно оторвалось“. Источникъ этого сомнѣнія понятенъ. „Оторвавшись отъ народа, общество не имѣло уже непосредственнаго чувства его *историческаго значенія*, а въ сознаніи оно не подвинулось на столько, чтобы понять его умомъ. „Не понимая историческаго значенія Россіи, наше общество естественно должно было отнестись отрицательно къ ея прошлому и усумниться въ ея будущемъ. И въ самомъ дѣлѣ, что такое Россія для нашего общества? „Земля большая, рѣдко населенная, прожившая или протрававшая безмысленную исторію, ничего не создавшая, не носящая никакихъ особенныхъ зачатковъ и сѣмянъ для человѣчества,—вотъ Россія. По правдѣ сказать, на что такая земля нужна Богу или людямъ? Это—или явленіе, принадлежащее натуральной исторіи и фавнѣ сѣвернаго полушарія, или много-много человѣческой матеріалъ, можетъ быть, пригодный на то, чтобы оживиться чужою мыслию и сдѣлаться проводникомъ этой чужой мысли къ другимъ. еще болѣе удаленнымъ и еще скуднѣе одареннымъ, племенамъ“... Ясно, что для того, чтобы наше общество возвратилось на тотъ путь, съ котораго сбилось, необходимо прежде всего, чтобы оно освободилось отъ всеобщаго сомнѣ-

¹⁾ Ibid 554—560

²⁾ Р. Арх. 1879 г. кн. 3, стр 346—347.

нія и въ Русскомъ народѣ и въ Русской землѣ. Такое освобожденіе уже началось. „Нашлись люди, которые усумнились въ правотѣ общаго сомнѣнія... Не можетъ, подумали они, такая матеріальная сила развиться въ человѣчествѣ безъ самостоятельной силы духовной. Нѣтъ, Русскій народъ не просто матеріаль, а духовная сущность. Не можетъ духовная сущность самостоятельная не содержать въ себѣ зачатковъ, отличающихъ ее отъ всѣхъ другихъ и назначенныхъ, чтобы пополнить или обогатить всѣ другія“¹⁾.

На ряду съ этимъ возвращеніемъ вѣры въ Россію и Русскій народъ, мы замѣчаемъ аналогичное явленіе въ области науки и искусствъ. Наша „наука, не смотря на слѣпое сопротивленіе книжниковъ и на лѣнивую устойчивость полукнижнаго большинства, не только начинаетъ обращать вниманіе на истинныя потребности Русской жизни, но, освобождаясь мало-по-малу отъ прежнихъ школьныхъ оковъ, уже показываетъ стремленіе къ сознанію своихъ родныхъ началъ и къ развитію истинъ, до сихъ поръ безсознательно таившихся въ нашей собственной жизни“. Но всего утѣшительнѣе то, что „эти труды остаются не совсѣмъ безъ награды: имъ сочувствуютъ многіе, имъ сочувствуютъ по всей землѣ Русской и, можетъ быть, еще болѣе въ ея дальнихъ областяхъ, чѣмъ въ тѣхъ мнимыхъ центрахъ нашего просвѣщенія, которые до сихъ поръ суть дѣйствительно только центры Западнаго школьничества... Успѣхъ искусства медленнѣе чѣмъ успѣхъ науки. Разумѣется, такъ и слѣдуетъ быть. Искусство требуетъ внутренняго мира и внутренней полноты, которыхъ у насъ еще быть не можетъ; но за всѣмъ тѣмъ, въ немъ сильнѣе и сильнѣе начинаетъ пробѣгать струя Русской мысли²⁾), хотя служеніе Русскому народному началу цорого обошлось его первымъ представителямъ, ибо душев-

¹⁾ Полн. Собр. Сочин. т. I, 739 и 741.

²⁾ Ibid. 170—171.

ная болѣзнь общества всего болѣе выражалась и выражается въ людяхъ передовыхъ. „Конечно, художники, движимые особенными, имѣ только принадлежащими, силами, и одаренные особеннымъ внутреннимъ видѣніемъ, не теряли вполне вѣры въ свое отечество и не отказывались отъ искусства. Геній продолжалъ творить свое геніальное. Но мучительна была эта жизнь; но глубоко было въ самихъ художникахъ чувство, что они трудились надъ формою и лишены были истиннаго содержанія. Таковы были признанія Баратынскаго; таково было убѣжденіе Пушкина, по преимуществу выраженное въ его послѣдней наиболѣе зрѣлой эпохѣ. Художникъ, во сколько онъ былъ мыслитель, становился постоянно по неволѣ такъ же, какъ и вся мысль общества, въ чисто отрицательное отношеніе къ Русской жизни“ ¹⁾.

¹⁾ Ibid. 739 Выходя изъ этой точки зрѣнія, мы легко можемъ понять нѣсколько рѣзкій отзывъ Хомякова о Пушкинѣ въ письмѣ къ И. С. Аксакову, съ содержаніемъ котораго знакомимся изъ переписки съ Аксаковымъ Куханской (Кохановской). Сравнивая Пушкина съ Гете и Шиллеромъ, Хомяковъ находилъ, что Пушкину не доставало „басовыхъ аккордовъ“, и ихъ „недоставало не въ головѣ Пушкина и не въ талантѣ его, а въ душѣ, слишкомъ непостоянной и слабой, или слишкомъ рано развращенной и уже никогда не находившей въ себѣ силъ для возрожденія“. Вообще Хомяковъ находилъ, что Пушкинъ „не развилъ въ себѣ высшихъ духовныхъ стремленій, и если они попадаютъ у него, то разбросанно, болѣе какъ вздохъ временнаго ропота на себя, чѣмъ слова сознательнаго достоинства“. Выражаясь нѣсколько парадоксально, Хомяковъ утверждалъ, что такимъ „безспорно великолѣпнѣйшимъ произведеніемъ русской поэзіи“, какъ, напр., „Пророкъ“, мы обязаны *неизурь*: Пушкинъ создалъ его въ то время, когда его, опальнаго фельдъегеря мчалъ въ телегѣ изъ деревни въ Петербургъ (Русс. Обзор. 1897 г. февраль, стр. 609—611). Та же точка зрѣнія видна и въ письмахъ Хомякова къ Н. М. Языкову, вызванныхъ смертію Пушкина. „Причины къ дуэли порядочной, пишетъ Хомяковъ, не было, и вызовъ Пушкина показываетъ, что его бѣдное сердце давно измучилось и что ему хотѣлось рискнуть жизнью, чтобы разомъ отъ нея отдѣлаться или ее возобновить. Его Петербургъ замучилъ разными мерзостями; самъ же онъ себя чувствовалъ униженнымъ и не имѣлъ ни довольно силы духа, чтобы вырваться изъ униженія, ни довольно подлости, чтобы съ ними помириться“. Въ другомъ письмѣ Хомяковъ говоритъ: „Пушкина убили непростительная вѣтренность его жены (кажется, только вѣтренность) и ладость общества

„Высшій всѣхъ своихъ предшественниковъ, по фантазій, по глубинѣ чувства и творческой силѣ, Гоголь раздѣлилъ ту же участь. Въ первыхъ своихъ твореніяхъ живой искренній, коренной Малороссѣ, онъ шелъ не колеблясь, полный тѣхъ стихій народныхъ, отъ которыхъ, къ счастью своему, Малороссія никогда не отрывалась. Глубокая и просто-душная любовь дышетъ въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ его образѣ“. Онъ „и чувства, и мысли, и форму беретъ только изъ глубины своей души, изъ сокровища современной жизни; и въ его творенія все дышетъ, все говоритъ, все движется такъ живо, такъ самобытно, какъ въ самомъ народѣ.—Правда, въ наше время нашлись изъ его земляковъ такіе, которые попрекнули ему въ недостаткѣ любви къ родинѣ и пониманія ея. Ихъ тупая критика и актерство неискренней любви не поняли, какая глубина чувства, какое полное поглощеніе въ бытъ своего народа нужны, чтобы создать и Старосвѣтскаго помѣщика, и великолѣпную Солоху, и Хому Брута, съ вѣдьмою-сотничихою, и всѣ картины, въ которыхъ такъ и дышетъ Малороссійская природа, и ту чудную эпопею, въ которой сынъ Тараса Бульбы, умирающій въ пылкахъ за родину и вѣру, находитъ голосъ только для одного крика: „слышишь ли батьку?“ а отецъ, окруженный со всѣхъ сторонъ враждебнымъ народомъ и враждебнымъ городомъ, не можетъ удержать громкаго отвѣта: „слышу!“... Въ иныхъ отношеніяхъ былъ Гоголь къ намъ, Великоруссамъ: тутъ его любовь была уже отвлеченнѣе; она была болѣе требовательна, но менѣе ясновидяща. Она выра-

---

Петербургскаго. Самъ Пушкинъ не оказалъ твердости въ характерѣ (но этого отъ него и ожидать было нельзя), ни тонкости, свойственной его чуткому уму. Но страсть никогда умна быть не можетъ. Онъ отшатнулся отъ тѣхъ, которые его любили, понимали и окружали дружбою почти благоговѣйной, а присталъ къ людямъ, которые его принимали изъ милости. Тутъ усыпилъ онъ надолго свой даръ высокій и погубилъ жизнь, прежде чѣмъ этотъ даръ проснулся (если ему было суждено проснуться).... Р. Арх. 1884 г., кн. 3, 202—203.

зилась характеромъ отрицанія, комизма, и когда неудовлетворенный художникъ сталъ искать почвы положительной, уходящей отъ его пріисковъ, томительная борьба съ самимъ собою, съ чувствомъ какой то несправды, которой онъ побѣдить не могъ, остановила его шаги и, можетъ быть, истощила его жизненныя силы“ ¹⁾).

В. Завитиневичъ.

(Продолженіе будетъ).

---

¹⁾ П. С. Соч. т. I. 739—740 и 445